

Олеся
РУДАНСКАЯ

РАЗВОД С ГЕНЕРАЛОМ

Нас предали вместе

Олеся Руданская

Развод с генералом.

Нас предали вместе

<https://litres.ru/74692994>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я хочу развестись, Лина.

Восемнадцать лет брака, взрослая дочь, общий дом. Мой муж, генерал Корсаков, перечеркнул все это за одним ужином.

— У тебя другая?

— Нет.

Он солгал мне прямо в глаза. А спустя несколько дней признался, что уже семь месяцев встречается с молодой любовницей.

Пока муж готовил новую счастливую жизнь, я собирала вещи, снимала квартиру и пыталась не развалиться на части.

Именно тогда я познакомилась с Родионом Вельским. Красивым, уверенным архитектором, который сначала ужасно меня раздражал, а потом впервые за долгое время заставил смеяться.

Но однажды я увидела фотографию его жены.

Это была любовница моего мужа.

Нас предали вместе. Только вот вместо общей мести между нами возникло нечто гораздо более опасное — настоящие чувства.

А когда бывший генерал решил вернуть меня, он еще не знал главного.

Я больше не была женщиной, которая готова отказаться от себя ради любви.

Содержание

Глава 1. Я уже все решил	5
Глава 2. Знакомое лицо	41
Глава 3. Нас было четверо	112
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Олеся Руданская

Развод с генералом.

Нас предали вместе

Глава 1. Я уже все решил

— Я хочу развестись, Лина.

Я стояла возле стола с блюдом в руках. Рыба только что из духовки, под тонкой корочкой запеченного сыра; от жара прихватка нагрелась, и я подумала, что надо поставить блюдо, пока не обожгла пальцы.

Поставила на подставку поверх листа с расписанием.

— Что?

Всеволод отодвинул стакан, чтобы освободить мне место.

— Нам нужно разойтись.

Я посмотрела на него, потом на край бумаги под блюдом. Там остался виден мой почерк: «Четверг, восемнадцать тридцать». Я обвела время синим, а рядом мелко подписала, что успею приготовить ужин заранее.

— Подожди. Я не поняла.

— Ты все поняла.

— Нет, Сева. Я принесла ужин. Мы собирались поесть. Я хотела тебе рассказать...

Я замолчала, потому что сама услышала, как нелепо это прозвучало. Будто существовал какой-то порядок, по которому сначала следовало съесть рыбу, выслушать меня, а уже потом сообщать о разводе.

Всеволод сидел на своем обычном месте. Без пиджака, в темной рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Часы лежали рядом с телефоном: дома он снимал их перед едой. На запястье оставалась светлая полоска, которую я знала так же хорошо, как родинку у него под левой ключицей.

— Сядь, пожалуйста.

Я села.

Он подождал, пока я положу прихватку, и подвинул ко мне воду.

Мне захотелось убрать стакан. Я не собиралась падать в обморок. Но руки дрожали, поэтому я обхватила его обеими ладонями.

— Давно надо было поговорить, — сказал Всеволод. — Я все откладывал.

— Что именно?

— Лина...

— Скажи. Что ты откладывал?

Он потер переносицу.

— Этот разговор.

Я смотрела ему в лицо и пыталась найти хоть что-нибудь знакомое, за что можно было ухватиться. Раздражение после неприятного звонка. Усталость. Ту жесткость, которая появ-

лялась, когда ему приходилось принимать плохое решение и он заранее злился на всех, кто собирался возражать.

— У тебя кто-то есть?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Посмотри на меня.

Он посмотрел.

— Другой женщины нет?

— Нет. Дело не в другой женщине.

Мне стало легче так резко, что я почти разозлилась на себя. Секунду назад муж говорил о разводе, а я уже искала в этом что-то утешительное. Нет другой — значит, можно разобраться. Значит, он устал, ему плохо, после отставки все оказалось сложнее, чем мы думали.

— Тогда что случилось?

— Ничего не случилось. Я больше не хочу так жить.

— Как?

Он отвел глаза к окну.

В стекле отражалась наша кухня: свет над столом, мои распущенные волосы, блюдо между нами. Я еще успела переодеться перед его возвращением. Сняла растянутый домашний свитер, надела блузку. Собиралась рассказать про комнату в культурном центре. Хотела, чтобы он порадовался за меня.

— Мы давно живем по привычке, — сказал Всеволод.

— Кто — мы?

— Не начинай.

— Я пытаюсь понять.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

— Не знаю.

Он выдохнул и взял стакан.

Раньше в таких паузах я обязательно начинала помогать. Подбирала слова, которые он не хотел произносить. Говорила: «Ты устал», «У тебя тяжелый день», «Давай после ужина». Уводила разговор туда, где мы оба могли сохранить хорошее настроение.

Сейчас я молчала. У меня не получалось угадать, что должно было прозвучать дальше.

— У меня к тебе больше нет тех чувств, — наконец сказал он.

Я прижала пальцы к холодному стеклу.

— Совсем?

Всеволод посмотрел на меня с таким выражением, будто я попросила его сделать что-то заведомо жестокое.

— Зачем тебе это уточнять?

— Потому что ты мой муж.

— Я понимаю.

— Не похоже.

Он хотел что-то сказать, но передумал.

Я потянула бумагу из-под блюда. Она зацепилась за край подставки и порвалась. На столе остался маленький треугольник с обведенным числом восемнадцать.

Всеволод приподнял блюдо, помогая мне освободить лист.

От этого движения я вдруг едва не заплакала. Он все еще помогал. Подвигал воду, придерживал горячее, ждал, пока я сяду. И говорил, что больше меня не любит.

— Это из-за моих занятий? — спросила я.

Он нахмурился.

— При чем здесь занятия?

— Я говорила, что два вечера буду возвращаться позже. Но это не обязательно. Я могу поставить одну группу днем, у меня несколько человек...

— Лина, остановись. Твои уроки здесь ни при чем.

Я замолчала.

Мне стало стыдно. Не перед ним даже. Перед собой — за то, что я только что начала торговаться двумя вечерами в неделю, будто от них зависело, останется он со мной или нет.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда объясни мне, как давно ты так думаешь.

— Некоторое время.

— Месяц? Год?

— Я не могу назвать тебе дату.

— Но ты можешь назвать дату, когда решил уйти?

Он потер большим пальцем край стакана.

— Я уже все решил. Не сегодня.

На прошлой неделе он отвозил меня к стоматологу. Ждал почти час, потому что я после обезболивания не хотела са-

диться за руль. Потом купил мне йогурт без добавок: есть горячее врач не разрешил.

По дороге домой я положила руку ему на колено. Он накрыл ее своей ладонью и спросил, не больно ли мне.

Я вспомнила это так ясно, что на мгновение снова ощутила гладкую ткань его брюк под пальцами.

— А когда мы ездили к врачу, ты уже решил?

Всеволод не ответил сразу.

Мне хватило этой паузы.

— Зачем ты тогда... — начала я и не закончила.

— Я же не перестал о тебе заботиться.

Я отвернулась.

Он подождал, потом продолжил более привычным тоном:

— Я не собираюсь оставлять тебя без денег или требовать, чтобы ты освобождала квартиру. Пока оставайся здесь. Позже спокойно решим остальное.

— Пока?

— Я сказал неудачно.

— Это наш дом.

— Я знаю.

— Ты говоришь так, будто разрешаешь мне пожить у тебя.

— Не цепляйся к словам. Я пытаюсь объяснить, что тебе не о чем беспокоиться.

Я засмеялась. Совсем коротко, неожиданно для себя.

Всеволод посмотрел на меня настороженно.

— Ты хочешь развестись, — сказала я. — Только что ска-

зал, что разлюбил меня. О чем мне сейчас не беспокоиться?

Он провел ладонью по столу, сдвинул в сторону крошки, которых почти не было.

— Я не хотел устраивать скандал.

— Я тоже не собиралась.

— Тогда давай поговорим нормально.

— Я пока не умею нормально. Мне нужно... Я даже не знаю, что мне нужно.

Я встала. Подошла к раковине и открыла воду, хотя мыть было нечего. На сушилке стояли две чашки после моего дневного урока. Во время перерыва я пила чай, смотрела на часы и думала, успею ли закончить рыбу к его возвращению.

Всеволод подошел сзади.

— Лина.

Я почувствовала его ладонь на плече и отступила раньше, чем успела решить, хочу этого или нет.

— Не надо сейчас.

Он убрал руку.

Несколько секунд мы стояли молча. Вода била в пустую мойку, разбрызгивалась на рукав моей блузки.

— Нике пока не говори, — произнес он.

Я повернулась.

— Почему?

— Давай сначала сами все уладим.

— Что именно ты собираешься улаживать?

— Как будем жить дальше. Как ей объясним.

— А ты не подумал об этом, пока все решал?

Он посмотрел на меня тяжело, исподлобья. За восемнадцать лет брака я хорошо изучила этот взгляд и почти автоматически понизила голос:

— Она наша дочь, Сева. Ей девятнадцать. Она все равно узнает.

— Тем более нет смысла тревожить ее раньше времени. У нее учеба.

— Я не стану звонить ей ночью и плакать в трубку. Но и делать вид, что у нас все хорошо, не буду.

— Я не предлагаю делать вид.

Я закрыла кран.

Мне хотелось спросить, как он представляет себе завтрашнее утро. Будем ли мы завтракать, кто пойдет за хлебом, нужно ли стирать его вещи вместе с моими. От этих мелких вопросов было страшнее, чем от самого слова «развод»: я не знала, как прожить ближайшие двенадцать часов в собственной квартире.

— Где ты будешь спать? — спросила я.

— Я могу уйти сегодня.

Он сказал это слишком спокойно.

Я обернулась к прихожей. Из кухни был виден только край зеркала и его пальто на вешалке.

— Куда?

— У меня есть где остановиться.

Я снова посмотрела ему в лицо.

— То есть жилье ты уже нашел.

— Да.

— А я приготовила ужин.

Он поморщился. Я убрала с лица волосы мокрой рукой и отвернулась.

— Сегодня можешь лечь в кабинете, — сказала я. — Я не хочу сейчас смотреть, как ты уходишь.

— Хорошо.

Я вышла из кухни, дошла до спальни и закрыла дверь. Не хлопнула — ручку пришлось придержать, иначе она заедала. Всеволод давно собирался ее поправить.

На моей стороне кровати лежал свитер, который я сняла перед ужином.

Я натянула его поверх блузки, села на пол у кровати и наконец заплакала.

Сначала тихо, стараясь дышать ровно. Потом так, что пришлось прижать к лицу рукав. Мне не хотелось, чтобы Всеволод пришел и снова начал объяснять, что позаботится обо мне.

В какой-то момент за дверью остановились шаги.

Я задержала дыхание.

Он не постучал.

Утром пятого февраля я проснулась от звука молнии.

Сначала не поняла, где нахожусь. Голова болела, свитер перекрутился под спиной. На прикроватной тумбочке мигал телефон. Будильник я выключила несколько раз, и теперь

уже не помнила, когда именно.

За дверью снова коротко прошуршала молния.

Я села.

На мне все еще была вчерашняя блузка. Я расстегнула верхнюю пуговицу, провела рукой по мятым рукавам и только после этого встала.

В прихожей стоял чемодан.

Серый, с царапиной возле замка. Мы покупали его перед поездкой с Никой, когда она заканчивала девятый класс. Дочь тогда потребовала собственный чемодан, ярко-желтый, а Всеволод выбрал нам этот: немаркий, крепкий, с хорошими колесами.

Рядом лежала сумка с его ноутбуком.

Муж вышел из кабинета с зарядным устройством в руке.

— Доброе утро.

Я посмотрела на чемодан.

— Когда ты успел?

— Часть вчера собрал.

— А часть?

— Лиана, не надо.

Я прошла мимо него к шкафу.

На полке стало свободнее. Исчезли два свитера, темные джинсы, спортивная кофта. Несколько рубашек, которые я гладила в начале недели, тоже пропали. Ничего невероятного: человек мог собрать вещи за полчаса. Но я открыла нижний ящик и увидела, что там уже не было его дорожного

несессера.

— Ты в гостиницу? — спросила я.

— В квартиру.

— Снял?

— Да.

— Когда?

Он убрал зарядное устройство в сумку.

— На прошлой неделе.

Я стояла у открытого шкафа, держась за дверцу.

На прошлой неделе я спрашивала его, не купить ли новые подушки. Он сказал, что эти нормальные, только его подушку пора сдать в чистку.

— Ты туда уже ездил?

— Конечно. Надо было посмотреть, что сдавали.

— Ключи у тебя?

Он похлопал по карману.

Я закрыла шкаф.

— Я не знаю, что тебе сейчас сказать, — признался Всеволод.

— Тогда не говори.

Он помолчал.

— Я заберу остальное позже. Книги, кое-что из документов. Предупрежу заранее.

Из-под его рубашки виднелся край белой футболки. Я зачем-то разглядывала этот край, пока он застегивал сумку.

— Хорошо, — ответила я.

— По деньгам ничего не изменится. В ближайшее время точно. На счету все есть, за квартиру я заплачу.

Я снова кивнула. Обсуждать сейчас, сколько стоит моя жизнь после его ухода, я не могла.

Он поднял сумку и остановился возле обувницы.

— Где щетка для замши?

Я даже повернулась к ящику.

Всеволод всегда забывал, в какой коробке лежали щетки. Черная для гладкой кожи, каучуковая — для его зимних ботинок, маленькая с ручкой — моя. Я знала, где каждая.

Достала нужную и подала.

Он сказал спасибо.

Стыд пришел, пока муж чистил ботинок, опираясь рукой о стену. Я стояла рядом и ждала, когда он закончит, чтобы убрать щетку на место.

Я не стала забирать щетку или говорить что-то резкое. Не знала, как перестать делать привычное посреди одного утра.

Когда он закончил, я убрала ее в коробку.

— Позвоню вечером, — сказал Всеволод.

— Зачем?

Он удивился.

— Узнать, как ты.

Я хотела ответить, что он и так знает. Но это было неправдой. Я сама не знала, что со мной будет к вечеру.

— Не сегодня.

Он посмотрел на меня, затем наклонился за чемоданом.

В дверях задержался. Я ждала, что скажет еще что-нибудь. Что передумает. Что хотя бы покажет, насколько трудно ему уйти.

— Замок закрой на оба оборота, — произнес он.

Я закрыла.

Потом прислонилась спиной к двери и долго смотрела на пустой коврик.

Когда телефон зазвонил, я вздрогнула так, что ударилась затылком о стену.

Дина.

Я пропустила первый звонок. На второй ответила.

— Да.

— Эвелина, привет. Я тебя не разбудила?

— Нет.

— Хорошо. Слушай, завтра сможешь к двенадцати подъехать? Хочу, чтобы ты еще раз комнату посмотрела, уже без мебели. И документы привези, если все в силе.

Я посмотрела на свой свитер, потом на часы. Было без десяти десять.

— Дина, я, наверное...

— Что?

Я потерла глаза.

Нужно было сказать, что обстоятельства изменились. Так обычно писали люди, которые отменяли то, к чему долго готовились. Можно было добавить про семейные дела. Вернуть два предоплаченных индивидуальных занятия, никому ни-

чего не объяснять, закрыть ноутбук и лечь.

— Ты заболела? — спросила Дина.

— Нет. У меня... дома неприятности.

Она сразу перестала торопиться.

— Что случилось?

Я открыла рот, но слова не вышли.

— Эвелина?

— Сева ушел.

Дина молчала несколько секунд.

— Куда ушел?

— Совсем, кажется. Вчера сказал, что хочет развестись.

Сегодня забрал вещи.

Мне пришлось сесть на обувницу.

— Господи, — тихо сказала она. — Ты одна сейчас?

— Да.

— Хочешь, я приеду?

Я посмотрела на прихожую. На оставшийся след от чемодана, на одну пару домашних тапок у стены.

При мысли, что придется открыть дверь и произнести все это еще раз, меня затошнило.

— Не надо. Я не могу пока разговаривать.

— Хорошо. Тогда завтра отменяем. С комнатой никуда не убежим.

Это было именно то, ради чего я собиралась ответить.

Я провела пальцем по краю обувницы. Там отслоилось покрытие, и мы все время собирались заменить ее. Ника еще

в школе нарисовала на внутренней стороне дверцы маленькую звезду. Я нашла ее, когда разбирала обувь, и не стала стирать.

— А когда потом можно будет посмотреть? — спросила я.

— Мне придется уточнить. На следующей неделе меня два дня не будет. Но что-нибудь придумаем.

— Завтра в двенадцать?

— Да. Только не надо себя заставлять из-за меня.

Я закрыла глаза.

— Я не знаю, что мне завтра делать дома.

Дина не сказала, что это и к лучшему, что работа поможет отвлечься или что пора начинать новую жизнь. Я была ей за это благодарна.

— Тогда приезжай. Все спокойно посмотрим. Если решишь подождать, подождешь.

— Я приеду.

— Поешь что-нибудь, пожалуйста.

— Поем.

Мы попрощались.

Я просидела еще минуту, потом пошла на кухню. Блюдо с рыбой стояло в холодильнике, затянутое пленкой. Значит, Всеволод убрал его вчера, пока я плакала в спальне.

Я достала кусок хлеба. Намазала маслом. Съела стоя, без чая, почти не чувствуя вкуса.

У меня через сорок минут должен был начаться урок.

Я открыла переписку с ученицей, написала, что сегодня

плохо себя чувствую, и предложила перенести занятие. Она ответила почти сразу: конечно, не переживайте, выздоравливайте. Со вторым учеником тоже удалось договориться на седьмое.

Я смотрела на это «не переживайте» дольше, чем следовало.

Потом села за стол и достала папку клуба.

Она была зеленой, с прозрачным карманом на обложке. Туда я уже вставила лист: «Разговорный клуб. Эвелина Зарецкая».

Зарецкой я представлялась новым ученикам много лет. Под этой фамилией меня находили по рекомендациям, ее же я ставила в учебных материалах. Корсакова оставалась в паспорте, банковских документах и списках приглашенных, где иногда писали «генерал-майор Корсаков с супругой».

Я вынула лист, разгладила угол.

В папке лежали упражнения для первой встречи. Я придумала их еще в декабре, потом дважды переделывала. Взрослые ученики знали гораздо больше, чем позволяли себе сказать вслух. Они могли выполнить грамматический тест и замолчать перед самым простым вопросом, если рядом сидел еще кто-то.

Мне хотелось собрать маленькие группы. По шесть человек. Дать им время привыкнуть друг к другу, заговорить, перестать извиняться за каждое неправильно произнесенное слово.

Все это существовало до вчерашнего вечера.

Я перелистнула распечатки и нашла маленький список расходов. Аренда, бумага, маркеры, несколько наборов карточек. Стулья обещала Дина. Кофемашину я вычеркнула: хватит чайника.

Рядом с суммой за месяц было написано: «Спросить Севу».

Я взяла ручку.

Посидела, держа ее над бумагой, и ничего не зачеркнула. Нужно было понять, сколько денег есть у меня, какие платежи ждать и на что я действительно могу рассчитывать.

Я перевернула страницу и стала считать заново.

К полудню шестого февраля я почти убедила себя, что зря вышла из дома.

На улице было скользко. Я торопилась, боялась опоздать и ругалась на себя за слишком тонкие перчатки. Ветер выдергивал волосы из-под шарфа; я все время поправляла сумку, чтобы папка не упиралась острым краем в бедро.

Возле «Дома на Липовой» рабочий счищал снег со ступеней.

В прошлый раз здесь пахло кофе и краской из художественной студии. Теперь у стены лежали сложенные листы защитного картона, а на дверях висел небольшой листок с просьбой пользоваться правой створкой.

Я потянула левую.

Рабочий поднял голову.

— Справа откройте.

— Простите.

Он кивнул, без раздражения.

Внутри было тепло. Я расстегнула пальто и остановилась возле стойки, где обычно сидела администратор. Сегодня там никого не было.

Телефон завибрировал.

«Эвелина, я задерживаюсь у собственника. В центре есть Родион, архитектор. Он знает, какую комнату показать. Поднимайся, пожалуйста, я скоро позвоню».

Я прочитала сообщение дважды. Дина знала, что у меня случилось, и наверняка постаралась бы не задерживаться, если бы могла. Но я все равно почувствовала себя обманутой. Мне хотелось увидеть знакомое лицо. Не представляться кому-то, не объяснять, зачем пришла, не изображать человека, который вполне способен арендовать помещение.

На втором этаже из приоткрытой двери послышался мужской голос.

— Нет, этот участок пока не трогаем. Сначала надо посмотреть, что над проемом. Я пришлю фотографию.

Я остановилась.

Через несколько секунд мужчина вышел в коридор, убирая телефон. Темный свитер, джинсы, ботинки с белесой пылью на носках. Он был высоким, и мне пришлось немного поднять голову.

— Здравствуйте, — сказала я. — Вы Родион?

— Да. Добрый день.

— Эвелина Зарецкая. Я к Дине, по поводу комнаты для занятий.

— Дина написала. Проходите.

Он придержал дверь и отступил, пропуская меня.

Комнату я узнала не сразу. Без двух старых шкафов она оказалась просторнее, чем выглядела во время первого просмотра. Свет падал из широкого окна на паркет; под подоконником стояла батарея, на стене осталось светлое пятно от снятой полки.

Я остановилась посередине.

Здесь можно было поставить столы полукругом. Не рядом. Чтобы никто не сидел за чужой спиной.

Я успела представить, как мои ученики раскладывают тетради, снимают шарфы, смущенно переглядываются.

За стеной резко ударили.

Я вздрогнула.

Еще один удар, потом протяжный скрежет.

— Это надолго? — спросила я.

Родион посмотрел в сторону соседнего помещения.

— Сейчас снимают крепления. Минут двадцать, наверное.

— Я не про эти двадцать минут. Ремонт еще будет идти?

— Конечно.

Он произнес это как очевидную вещь.

Я повернулась к нему.

— Дина говорила, что шумные работы закончат до начала занятий.

— Когда у вас начало?

— Двенадцатого февраля.

Мужчина на мгновение замолчал.

— Двенадцатого?

— Да.

— Через шесть дней?

Я почувствовала, как у меня нагрелось лицо.

— Я умею считать.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Я не это имел в виду. Мне сказали, что постоянные занятия в этой части начнутся в марте.

— А мне показали комнату и предложили начинать в феврале.

За стеной снова загрохотало.

Я прижала папку к груди. Мужчина заметил движение, но никак его не прокомментировал.

— В какие часы вы собираетесь работать? — спросил он.

Я достала лист. Тот самый, с неровным краем.

— Две группы, по полтора часа. Пока в разные дни. Начало в восемнадцать тридцать.

Он протянул руку, но не взял бумагу сам.

Я подала.

Родион просмотрел расписание. На безымянном пальце у него было обручальное кольцо, простое, без узора. Я задер-

жала взгляд на его руке и тут же отвела глаза.

— В эти вечера здесь могут работать до семи, — сказал он. — По нынешнему графику.

— Почему до семи?

— Потому что часть работ внизу можно выполнять, когда освобождаются комнаты. Приходится распределять людей.

— Здесь взрослые ученики. Они раньше не могут. У них работа.

— Я понимаю.

— Не очень похоже.

Он вернул мне лист.

— Эвелина, я не составлял расписание ваших занятий. И аренду с вами не обсуждал. У меня была другая информация.

Тон у него оставался ровным.

Именно этот тон меня и задел. За последние два дня я слишком много выслушала объяснений от мужчины, который говорил спокойно и считал, что этого достаточно.

— Тогда, наверное, нужно уточнить информацию, — сказала я. — Вместо того чтобы предлагать мне ждать марта.

— Я пока ничего вам не предложил.

Я открыла рот и остановилась.

Он действительно не предлагал ждать марта. Это я уже услышала за него.

Родион отвел взгляд в сторону двери, давая мне время. Я заметила седину у его висков и темную полосу пыли на ру-

каве. На столе возле окна лежали рулетка, карандаш и раскрытая папка с чертежами.

Я пришла с расписанием, о котором он слышал впервые, и уже успела ему нагрубить.

— Извините, — сказала я. — Просто дата уже обсуждалась с людьми.

— Они заплатили?

— Нет. Я не брала оплату, пока не будет окончательной договоренности.

Он кивнул.

— Тогда хорошо, что выяснили сейчас.

Мне захотелось ответить, что ничего хорошего здесь нет. Но за стеной прекратили стучать, и я вдруг услышала, как громко дышу.

Я положила папку на стол.

— Скажите, пожалуйста, что конкретно еще будут делать. И в какие дни. Мне не нужно, чтобы весь центр замер. Мне нужно полтора часа, когда шесть человек смогут слышать друг друга.

Родион подвинул свой чертеж и освободил место.

— Давайте посмотрим.

Мы встали по разные стороны стола.

Он объяснил, какие помещения ремонтируют, где будет шумнее, какие работы еще не внесены в окончательный график. Я слушала, задавала вопросы и записывала только то, что касалось моих вечеров.

Постепенно стало ясно, что сведения Дины относились к одному этапу, а сведения архитектора — к следующему. Еще ничего не было окончательно согласовано.

— Вы можете просто сдвинуть шумные работы? — спросила я.

— Сам — нет. Надо поговорить с бригадиром и с тем, кто оплачивает изменение графика. Возможно, часть можно перенести на день. Возможно, нет.

— Понятно.

Я посмотрела на окно. За стеклом ветер нес вдоль карниза мелкий снег.

Мне вдруг захотелось забрать папку и уйти. Сказать, что подумаю, что перезвоню, что начало в марте мне тоже подойдет. До марта еще почти месяц. Можно не отвечать ученикам, не выяснять ничего с рабочими, не считать аренду.

Я представила, как вернусь домой. Повешу пальто на свободный крючок рядом с тем местом, где раньше висело пальто мужа. Уберу папку в ящик, чтобы не видеть.

— Давайте соберемся вместе, — сказала я. — С Диной. И с бригадиром, если он нужен.

Родион посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Это разумно. Когда вы можете?

Я достала телефон.

В календаре почти все записи были рабочими. Индивидуальные занятия, предварительные встречи, напоминание купить бумагу. И только несколько касались Всеволода.

Одна была на завтра: забрать его костюм из ателье. Примерку он делал еще в январе, когда я думала, что самый неприятный разговор этой зимой будет о том, стоит ли менять диван.

— Восьмого после одиннадцати, — сказала я. — Если все остальные смогут.

— Мне подходит. Уточню у подрядчика, Дине напишу.

Я записала дату на новом листе. Почерк получился крупнее обычного.

Родион подождал, пока я сложу бумаги.

— Еще что-нибудь хотите посмотреть?

Я огляделась.

— Где можно оставить учебные материалы?

Он показал нишу возле двери.

— Здесь планируется шкаф. Условия надо обсудить с Динной.

— Хорошо.

Я прошла к окну, прикинула расстояние до стены. Потом вернулась и посмотрела на светлое пятно от полки.

— Доску можно будет повесить сюда?

— После проверки креплений — да.

Я кивнула.

Это были простые вопросы. Про шкаф и доску. Мне стало немного легче от того, что я все еще умела их задавать.

Когда я вышла в коридор, Родион снова придержал дверь.

— До свидания, Эвелина.

— До свидания.

На лестнице я остановилась, чтобы застегнуть пальто.

Я не знала, понравился ли мне этот человек. Скорее нет: слишком уверенный, слишком готовый сообщать неприятные вещи. Но он выслушал мои вопросы и не стал решать, нужно ли мне вообще заниматься своим клубом.

На улице я достала телефон и написала Дине: «Комнату посмотрела. Есть вопросы по шумным работам. Предлагаем встретиться восьмого. Я не отменяю занятия, хочу разобраться с графиком».

Перечитала и отправила, пока не начала смягчать каждую фразу.

Дома я сняла сапоги, поставила сумку на пол и первым делом проверила прихожую.

Пальто Всеволода не было.

Я знала, что его не будет. Все равно проверила.

На кухне сохранился запах вчерашнего кофе. Я вымыла кофейник, протерла стол и обнаружила под салфеткой обрывок расписания. Тот самый маленький треугольник бумаги. Выбросила его.

Телефон лежал рядом. Ника прислала фотографию из общежития: на столе стояла кастрюля с чем-то подозрительно похожим на макароны, подпись сообщала, что их комната наконец освоила приготовление еды без доставки.

Я поставила смешной значок, потом убрала его. Написала: «Вкусно получилось?»

«Не спрашивай».

Следом пришел смеющийся смайлик.

Я смотрела на экран и понимала, что сейчас начну откладывать разговор. До завтра. До конца ее работы над проектом. До момента, когда смогу произнести слово «развод» так, чтобы не сорваться.

Ника могла позвонить отцу раньше меня. Он расскажет по-своему. Возможно, скажет, что мы оба все обдумали, что решение было общим и я не возражала.

Я написала: «Сможешь вечером поговорить? Ничего со здоровьем не случилось. Просто нужно кое-что рассказать».

Ответ пришел через минуту.

«Могу сейчас. Подожди, выйду».

Я успела наполнить стакан и умыться холодной водой. Вытерлась полотенцем, которое почему-то показалось слишком жестким. Положила телефон на подставку.

Ника позвонила по видео.

На экране появилась ее щека, потом потолок, потом лицо. Волосы она собрала в небрежный пучок. Пока устраивала телефон, я заметила на запястье красный след от резинки.

— Мам, привет. Что случилось?

— Привет, моя хорошая. Ты где?

— Внизу, в холле. Здесь тихо. Ты плакала?

Я коснулась лица.

— Немного.

— Мам.

— Мы с папой расходимся.

Она не сразу ответила.

Я увидела, как ее взгляд сместился в сторону, будто там находился кто-то, кто мог объяснить сказанное.

— В смысле?

— Позавчера он сказал, что хочет уйти. Вчера забрал вещи. Мы будем разводиться.

— Почему?

— Он сказал, что больше не хочет жить вместе.

— А ты?

У меня задрожали губы.

Я отвела глаза от экрана, посмотрела на чайник.

— Я не хотела.

Ника молчала. Я слышала, как где-то рядом с ней хлопнула дверь, кто-то прошел по коридору.

— Вы поссорились?

— Нет.

— Но так не бывает. Должно же что-то...

Она замолчала.

Я не стала отвечать, что тоже так думала.

— У него другая? — спросила дочь.

— Я спросила. Он сказал, что нет.

— Ты ему веришь?

Я посмотрела на нее.

Мне хотелось сказать что-нибудь взрослое и надежное. Что я разберусь. Что отец просто запутался. Что все будет

хорошо, хотя ни одна часть этой фразы сейчас не имела под собой опоры.

— Я пока не знаю, Ник.

Она обхватила себя за плечо.

— Я могу приехать.

— Не нужно прямо сейчас.

— Почему? У меня деньги на билет есть.

— Я знаю. Просто сначала поговори с папой сама. И дай себе немного времени.

— Я хочу к тебе приехать.

Я прикрыла глаза ладонью.

Очень хотелось согласиться. Чтобы дочь появилась на пороге, бросила рюкзак, обняла меня так крепко, как обнимала в детстве после долгой разлуки. Чтобы в квартире снова стало шумно и можно было заняться привычным: накормить, постелить, спросить, достаточно ли теплое у нее одеяло.

— Давай решим завтра, — сказала я. — Не покупай билет сейчас. Ты же готовишь свой проект.

— Черт с ним.

— Не надо так. Мне плохо, но я не лежу и не смотрю в стену целыми днями. Сегодня ездила в центр. Помнишь, я рассказывала про комнату?

— Помню.

— Посмотрела ее. Буду договариваться по расписанию.

Ника посмотрела на меня недоверчиво.

— Ты правда ездила?

— Правда.

— Одна?

Я почти улыбнулась.

— Я и раньше туда одна ездила.

— Я не это...

— Понимаю.

Она опустила голову. На мгновение я увидела только ее макушку.

— Он мне вчера звонил, — сказала дочь.

Я замерла.

— Папа?

— Да. Спросил, как дела. Про проект спросил. Ничего не сказал.

Я взяла стакан. Сделала маленький глоток, потому что во рту стало сухо.

— Может, не знал, как начать.

Мне не хотелось защищать его. Но я не хотела и подсказывать Нике, как именно ей обижаться.

— А ты почему не сказала вчера?

— Не смогла.

Ника подняла глаза.

— Ладно.

Это «ладно» прозвучало совсем по-детски. Так она отвечала, когда что-то уже произошло, а исправить нельзя было.

— Мама, мне надо подумать.

— Конечно.

— Я ему позвоню. Не сейчас. Потом.

— Хорошо.

— Можно я пока пойду?

— Иди.

Она не отключилась.

Я тоже.

— Я тебя люблю, — сказала Ника.

— И я тебя. Очень.

После звонка я еще несколько секунд смотрела на собственное отражение в темном экране.

Потом отложила телефон и заплакала снова.

На этот раз я не зажимала рот рукавом. В квартире никого не было, и мне не приходилось слушать, не подошел ли кто-то к двери.

Я плакала из-за Всеволода, из-за Ники, из-за того, что сказала дочери плохую новость и ничем не смогла ее утешить. Из-за рыбы, которую пора было выбросить, потому что я не могла заставить себя ее есть. Из-за своей уверенности, что после его отставки у нас наконец появится больше времени друг для друга.

Мы восемь месяцев жили без его прежнего расписания. Я думала, он привыкает. Старалась не мешать, когда ему требовалось побыть одному. Радовалась, когда он куда-то собирался, встречался с людьми, возвращался в хорошем настроении.

Теперь я не знала, что означали эти месяцы для него.

Когда слезы закончились, я позвонила Дине.

Она ответила сразу:

— Я как раз собиралась тебе набирать.

— Я сегодня поговорила с Никой.

— Как она?

— Плохо. Как и следовало ожидать.

— А ты?

Я посмотрела на пустую чашку возле раковины.

— Тоже. Но про комнату расскажи.

Дина вздохнула.

— Я виновата. Собственник прислал мне один график, а ребятам — уточненный. Мы завтра все сверим по телефону, а восьмого сядем вместе и окончательно договоримся. Родина предложил на двенадцать. Тебе удобно?

— Да.

— И еще. Первый вечер я тебе в любом случае обеспечу. Если в комнате совсем нельзя будет, проведешь у меня в кабинете. Для шести человек места хватит. Дальше так, конечно, не пойдет, но первый раз не сорвем.

Я помолчала.

— Спасибо.

— Не за что. Это моя работа — чтобы люди могли пользоваться тем, что им предложили арендовать. Давай только без обещаний на весь месяц, пока график не утвердим.

— Хорошо.

— По стоимости останется как договаривались.

Я почувствовала, что могу чуть свободнее вдохнуть.

Мы обсудили еще несколько мелочей. Где лежат складные стулья, какой удлинитель понадобится, можно ли оставить на ночь материалы. Я записывала. Дина говорила быстро, привычно, иногда отвлекалась на чьи-то сообщения.

Меня успокаивал сам звук ее деловой суеты. Где-то продолжалась жизнь, в которой люди договаривались о стульях и удлинителях. Мне тоже предстояло в ней участвовать.

Утром седьмого я провела два перенесенных занятия.

Перед первым долго сидела перед выключенной камерой. Боялась, что ученица посмотрит на меня и все поймет, хотя не представляла, что именно она должна была понять.

Но она появилась на экране, пожаловалась на плохую связь, спросила, открывается ли у меня ее домашняя работа, — и через десять минут я уже исправляла знакомую ошибку.

Голос поначалу звучал сухо. Потом выровнялся.

После второго занятия я закрыла ноутбук и обнаружила, что впервые за три дня хочу есть.

Сделала себе омлет. Села за стол на свое место, подальше от стула Всеволода, и съела его целиком.

Муж позвонил, когда я мыла сковороду.

Я вытерла руки. Несколько секунд смотрела на его имя.

— Да.

— Привет. Можешь говорить?

— Могу.

— Как ты?

— Работаю.

— Это хорошо.

Я промолчала.

— Ника мне написала, — продолжил он.

— Мы вчера поговорили.

— Я просил пока не торопиться.

— Она моя дочь, Сева.

— Наша.

— Наша. Поэтому ты тоже можешь с ней поговорить.

Он помолчал.

— Я позвоню ей вечером.

— Хорошо.

Мне хотелось спросить, как он спал. Удобная ли кровать в новой квартире. Нашел ли в сумке таблетки, которые иногда принимал от головной боли. Эти вопросы все еще возникали сами собой, и от этого было противно и жалко себя одновременно.

Я сильнее сжала полотенце.

— Ты еще что-то хотел?

— Да. По костюму. Из ателье могут привезти завтра, с одиннадцати до часа. Я договорился, чтобы на наш адрес. Примешь? Потом заберу.

Я посмотрела на календарь возле ноутбука.

Восьмое февраля. Двенадцать. Дина, Родион, бригадир.

— Меня не будет дома.

— Уроки?

— Встреча по аренде.

— Надолго?

— Не знаю.

— Тогда попроси перенести на два. У них доставка иногда задерживается, но до двух точно привезут.

Я уже открыла рот, чтобы объяснить, почему это неудобно. Что у Дины свободно только это время, что архитектор тоже занят, что бригадир не станет подстраиваться под меня одну.

Потом посмотрела на мокрую сковороду.

— Я не буду переносить, — сказала я.

Всеволод замолчал.

— Что?

— Встречу. Мы договорились. Я не могу сидеть дома и ждать твой костюм.

— Лина, я просто попросил принять доставку.

— Попроси привезти к тебе.

— Я весь день буду занят.

— Я тоже.

Он шумно выдохнул в трубку.

— Ладно. Разберусь.

— Хорошо.

Мы попрощались без ссоры.

Я положила телефон и еще некоторое время стояла у раковины. Внутри все сжалось, будто я сделала что-то неприличное. Будто нужно было немедленно перезвонить и ска-

зять, что, конечно, я могу найти другой вариант, съездить в ателье сама или попросить соседку.

Я не перезвонила.

Вымыла сковороду, убрала полотенце и села за ноутбук.

В списке будущей группы было шесть имен. Двоих я учила индивидуально, еще одну женщину привела моя бывшая ученица. Остальные написали после небольшого объявления, которое я разместила в январе.

Никто из них не знал о моем разводе. Никто не ждал от меня рассказа, как за несколько дней справиться с болью. Им нужен был человек, который поможет заговорить на английском.

Я открыла общий чат.

«Добрый день. Подтверждаю нашу первую встречу двенадцатого февраля, в восемнадцать тридцать. Встречаемся в “Доме на Липовой”. Номер комнаты сообщу после окончательного согласования. С собой возьмите тетрадь и ручку. До встречи. Эвелина Зарецкая».

Перечитала.

Убрала из первой строки «если ваши планы не изменились». Желающие отменить все равно могли написать мне сами.

Палец задержался над кнопкой отправки.

Я представила пустую комнату, светлое пятно на стене, шесть стульев. Вспомнила, как мужчина по другую сторону стола спросил, в какое время мне удобно встретиться, и до-

ждался ответа.

Потом отправила сообщение.

Первой ответила моя давняя ученица: «Буду. Очень жду».

Я открыла папку и достала материалы для первого занятия. На верхнем листе нужно было исправить одно упражнение. Я заметила это еще в январе и все собиралась переделать.

До встречи оставалось пять дней.

Глава 2. Знакомое лицо

Восьмого февраля я приехала в «Дом на Липовой» на сорок минут раньше назначенного времени.

Дома мне было нечем заняться.

Это, конечно, неправда. В раковине стояла тарелка после завтрака, нужно было поменять постельное белье, разобрать ящик с документами и ответить двум ученикам, которые спрашивали о стоимости занятий. Но стоило мне остаться без дела хотя бы на минуту, как взгляд сам находил что-нибудь, принадлежащее Всеволоду.

Его тапки я убрала в шкаф еще вчера. Утром обнаружила на подоконнике футляр от старых очков. Из ванной исчезла его зубная щетка, зато остался бритвенный крем.

Все это мучительно раздражало. Я не могла выбросить чужую вещь, не спросив, нужна ли она хозяину, хотя хозяин уже снял другую квартиру и объявил, что больше не хочет со мной жить.

Поэтому я надела пальто, сунула папку в сумку и вышла.

В центре было тихо. На первом этаже пахло свежей краской. Возле лестницы стояли два ведра, накрытые пленкой, а у входа в художественную студию сушились на газете вымытые кисти.

Я поднялась на второй этаж.

Дверь комнаты, которую собиралась арендовать, оказа-

лась открыта.

Родион Вельский стоял возле окна и разговаривал по телефону.

— Нет, до четырнадцатого стену не трогаем. Сначала проверим крепления. Потом уже будем решать, что там можно делать.

Он заметил меня и коротко кивнул.

Я ответила тем же, прошла внутрь и остановилась у стены.

В прошлый раз здесь было пыльно. Сегодня пол вымыли, а подоконник освободили от инструментов. Кто-то принес шесть складных стульев. Они стояли вдоль стены, одинаковые, серые, с черными металлическими ножками.

Я раскрыла один.

Сиденье опустилось с неприятным щелчком.

— Осторожнее, — сказал Родион, закончив разговор.

Я вздрогнула.

— Что с ним?

— Ничего. Просто если сложите неправильно, прищемите палец.

— Прекрасная новость. Особенно для начинающих преподавателей.

Он подошел и показал, куда нажать, чтобы стул складывался без усилия.

— Вот здесь фиксатор.

— Спасибо.

— Вы рано.

— Вы тоже.

— У меня работа.

Я посмотрела на него.

Он едва заметно улыбнулся.

— У вас, полагаю, тоже.

— Полагаете правильно.

Мне стало неловко за собственную резкость. Мужчина действительно ничего плохого не сказал.

Я поставила стул к окну.

— Дина еще не приехала?

— Будет через десять минут. Подрядчик тоже. Я решил посмотреть помещение до общего разговора.

— И как? Будем учить английский под звуки перфоратора?

— Постараемся избежать.

Он говорил спокойно, не обещая невозможного.

Я осмотрела комнату еще раз. Шесть стульев, большой стол, широкое окно. На стене оставались отверстия от прежних полок. Если повесить туда доску, поставить шкаф и пару небольших растений, получится вполне уютно.

— А почему именно эта комната? — спросил Родион.

— Что вы имеете в виду?

— В центре есть другие помещения. Некоторые даже больше.

— В больших мне не понравилось. Слишком высокие потолки, эхо. А здесь люди будут слышать друг друга.

Он посмотрел на пустую комнату.

— Вы хотите проводить групповые занятия?

— Да. По шесть человек. Взрослые.

— И всем обязательно сидеть лицом друг к другу?

— Желательно.

— Почему?

Я повернулась к нему.

— Вы когда-нибудь учили иностранный язык?

— Английский в школе. Потом пытался подтянуть.

— Успешно?

— До сих пор предпочитаю чертежи.

— Вот представьте: вас просят рассказать что-нибудь на английском. Вы сомневаетесь почти в каждом слове, боитесь ошибиться. А перед вами еще пять затылков. И преподаватель где-то возле доски.

Родион усмехнулся.

— Звучит не очень приятно.

— Поэтому мне нужны стулья полукругом. Люди должны видеть, что ошибаются не они одни.

Он оглядел комнату.

— Тогда доску лучше повесить не там, где вы вчера показывали. Будет неудобно смотреть.

Я прикинула расположение.

Он оказался прав.

— А вот это уже полезное замечание, — сказала я.

— Запишу себе.

Я неожиданно улыбнулась.

В этот момент в коридоре раздался голос Дины:

— Эвелина! Ты уже здесь? Отлично!

Она вошла с двумя бумажными стаканами кофе и большой связкой ключей.

— Один тебе, — сказала она, протягивая стакан. — С молоком, без сахара. Правильно помню?

— Правильно. Спасибо.

— Родион, тебе не взяла. Ты говорил, что не будешь.

— Я и сейчас не буду.

— Вот и хорошо. Алексей сейчас поднимется. Давайте сразу все решим, а то я потом уезжаю.

Следующие сорок минут оказались неожиданно полезными.

Алексей, руководивший ремонтными работами, принес распечатанный график. Дина разложила свой вариант. Родион открыл чертежи на планшете.

Выяснилось, что все трое располагали разной информацией.

Я сначала растерялась, потом достала расписание занятий.

— Мне нужно всего два вечера. Четверг и пятница, с половины седьмого до восьми. Если после восьми можно шуметь, я не возражаю.

Алексей посмотрел на меня.

— После восьми нам уже неудобно работать. Люди домой

хотят.

— Понимаю. Тогда можно перенести шумные работы на день?

Он почесал подбородок.

— Не все. У нас там перегородка. Ее разобрать надо, мусор вынести. За два дня управимся, если не будет сюрпризов.

— А остальные работы?

— Штукатурка, покраска. Это не шумно.

Родион уточнил несколько технических деталей, потом повернулся к Дине.

— Если перенесем разбор перегородки на девятое и десятое, двенадцатого здесь будет тихо. Но проход возле соседнего помещения придется закрыть. Ученики смогут подниматься по основной лестнице.

— Они и так по ней поднимаются, — ответила Дина.

— Тогда проблем нет.

Я внимательно посмотрела на него.

Еще два дня назад мне казалось, что этот человек собирается запретить занятия до марта. Теперь он обсуждал, как сделать их возможными.

Алексей покачал головой.

— Только двенадцатого утром ничего не обещаю. Можем заканчивать.

— У меня занятие вечером, — сказала я.

— К вечеру уберем.

— А тринадцатого?

— Тоже нормально. Только если что-то обнаружим под обшивкой, сообщим заранее.

Дина повернулась ко мне:

— Ну что, Эвелина? Подходит?

Я посмотрела на расписание.

— Подходит. Но давайте запишем, что шумные работы в эти часы не проводятся. Чтобы потом не выяснилось, что все забыли.

Алексей хмыкнул.

— Вы серьезно подходите к английскому.

— Я серьезно подхожу к людям, которые заплатят за занятия.

Родион поднял глаза от планшета.

— Это разумно.

Я почему-то почувствовала себя так, будто только что успешно сдала экзамен.

Дина записала договоренности, отправила всем сообщение и предложила осмотреть кладовую.

Там оказались два старых шкафа, несколько коробок с елочными игрушками и огромный рулон бумаги для детской художественной студии.

— Один шкаф забирай, — сказала Дина. — Только сначала его надо вымыть.

— Я сама.

— И замок поставим.

Я провела рукой по дверце. Ламинат немного отслоился у

нижнего края, зато полки были целые.

— Беру.

Родион заглянул в кладовую.

— Его к стене крепить придется.

— Зачем? — удивилась я.

— Высокий. Если кто-нибудь откроет обе дверцы и обопрется, может опрокинуться.

Дина вздохнула.

— У нас все время какие-то крепления.

— Потому что шкафы не умеют стоять на честном слове.

Он сказал это настолько серьезно, что я рассмеялась.

Дина посмотрела на меня с явным удивлением.

Я и сама удивилась.

Не тому, что шутка была особенно смешной. Просто я уже несколько дней почти не смеялась.

Когда встреча закончилась, Дина отвела меня в сторону.

— Как ты?

— Нормально.

Она приподняла бровь.

— Эвелина.

Я посмотрела на стакан. Кофе давно остыл.

— Плохо, — призналась я. — Но сегодня немного лучше.

— Он звонил?

— Да. Вчера. Просил принять доставку костюма.

Дина медленно моргнула.

— Что?

— Костюма из ателье. Я должна была весь день сидеть дома и ждать.

— И что ты сказала?

— Что не могу.

— Правильно.

Я поморщилась.

— Ты не обязана говорить, что я во всем права.

— А я и не говорю. Помнишь, как ты в прошлом году согласилась провести бесплатно три дополнительных занятия для моей сотрудницы?

— Помню.

— Вот тогда ты была неправа.

Я улыбнулась.

— Спасибо за поддержку.

— Пожалуйста. У меня помощь качественная, с критикой.

Она обняла меня одной рукой.

Мы простояли так несколько секунд.

— Если станет совсем тяжело, звони, — тихо сказала Дина.

— Хорошо.

— И не вздумай отказываться от клуба только потому, что сейчас не до него.

Я посмотрела на комнату.

Родион уже стоял у окна и что-то измерял.

— Не откажусь, — ответила я.

Домой я вернулась с подписанными условиями аренды, расписанием и списком необходимых покупок.

Пакет документов лежал в сумке, а я все никак не решалась его достать.

В квартире было тихо.

Я сняла пальто, поставила обувь на полку, прошла на кухню.

В холодильнике оставалось немного сыра, помидоры и яйца. Еще лежал контейнер с рыбой. Я наконец выбросила остатки рыбы.

Потом вымыла контейнер, вытерла руки и села за стол.

Открыла банковское приложение.

На личном счете были деньги от индивидуальных занятий. Часть поступлений я сразу откладывала на налоги и профессиональные расходы. Остальное обычно уходило на мелкие покупки, подарки Нике, что-нибудь для дома.

Общие накопления находились на другом счете. Я имела к ним доступ, но давно привыкла обсуждать крупные траты с Всеволодом.

Теперь мне предстояло выяснить, как именно мы будем делить расходы, пока не решим вопрос с квартирой и разводом.

Я открыла таблицу, которую составляла для клуба еще в январе.

Аренда помещения. Материалы. Оплата занятий. Небольшой резерв.

При двенадцати учениках денег должно было хватить и на аренду, и на развитие клуба. Но это при условии, что все оплатят занятия и никто не передумает через неделю.

Я добавила графу «Если останется восемь человек».

Цифры стали менее приятными.

Потом добавила «Если останется шесть».

На этом варианте я закрыла ноутбук.

Странное дело: еще недавно я считала возможные расходы почти с удовольствием. Теперь каждая сумма казалась подтверждением того, что я совершенно не готова жить самостоятельно.

Телефон завибрировал.

Всеволод.

«Нужно обсудить практические вопросы. Когда тебе удобно?»

Я посмотрела на сообщение.

Он говорил о разводе так, как раньше говорил о покупке новой машины или ремонте кухни: практические вопросы, оптимальный вариант, необходимо договориться.

Я написала:

«После занятий завтра. В восемь вечера».

Ответ пришел через минуту.

«Хорошо. Созвонимся».

Я перечитала переписку.

Слова «созвонимся» почему-то было достаточно, чтобы вспомнить, как мы раньше договаривались о поездках. Он

писал из другого города, что освобождается к восьми, а я старалась закончить все дела и ждала звонка.

Теперь мы договаривались о том, как перестать быть семьей.

Девятого февраля Ника позвонила мне во время обеда.

— Мам, ты можешь говорить?

Я посмотрела на тарелку с супом.

— Могу. Что случилось?

— Я с папой разговаривала.

Я отложила ложку.

— И?

— Он сказал, что вы давно друг друга не понимаете.

Я прижала телефон плотнее к уху.

— Он так сказал?

— Да. Что вы оба устали, что у вас разные интересы. И что развод не должен быть трагедией.

Я закрыла глаза.

— Понятно.

— Мам, он вообще нормально себя чувствует?

— Насколько я знаю, да.

— Тогда почему он говорит так, будто вы просто решили мебель переставить?

Я невольно улыбнулась.

Ника унаследовала от отца прямооту, но в отличие от него не считала ее универсальным решением всех проблем.

— Наверное, ему так проще.

— А тебе?

— Мне не проще.

Она помолчала.

— Я ему сказала, что не понимаю его.

— Он обиделся?

— Сказал, что я слишком молода, чтобы судить о браке.

Я почувствовала раздражение.

— Это не значит, что ты не можешь иметь своего мнения.

— Я знаю.

— И ты не обязана выбирать, с кем дружить после нашего развода.

— Мам, я не маленькая.

— Знаю.

— Просто вы оба сейчас будете переживать, а мне с этим что делать?

Вопрос застал меня врасплох.

Я привыкла считать, что должна поддержать дочь. Но Ника действительно оказалась между двумя близкими людьми, которые внезапно перестали быть одной семьей.

— Жить своей жизнью, — сказала я после паузы. — Учиться. Встречаться с друзьями. Звонить мне, когда захочешь. Папе тоже. И говорить нам, если мы начнем тебя втягивать в свои разборки.

— Хорошо.

— Не передавай сообщения от одного другому. Мы взрос-

лые, сами разберемся.

Ника вздохнула.

— Я бы хотела, чтобы вы и раньше иногда сами разбирались.

Я замолчала.

— Что ты имеешь в виду?

— Мам, ну ты же всегда все сглаживала. Он недоволен — ты успокаиваешь. Он занят — ты переносишь. Я дома бывала, я видела.

Мне захотелось возразить.

Сказать, что она не понимает, сколько всего было между нами. Что Всеволод не всегда был таким. Что он заботился, помогал, поддерживал меня во время болезни, находил время на семейные поездки.

Все это было правдой.

Но и то, что сказала Ника, тоже было правдой.

— Наверное, я привыкла, — ответила я.

— Вот именно.

Она помолчала.

— Извини, я не хотела тебя обидеть.

— Ты не обидела.

Я посмотрела на суп. Он совсем остыл.

— Я просто не всегда замечаю, что делаю, — добавила я.

— Мам, а у тебя же клуб скоро?

— Двенадцатого первое занятие.

— Уже в этот четверг?

— Да.

— Ты все подготовила?

— Почти.

— Скинь мне потом фотографию комнаты.

Я улыбнулась.

— Скину.

После разговора я долго сидела за столом.

Ника сказала всего несколько фраз, но они никак не выходили из головы.

Я действительно привыкла сглаживать.

Даже теперь, когда муж решил уйти, первым моим желанием было объяснить его поступок так, чтобы никто не счел его плохим человеком.

Я не хотела, чтобы дочь ненавидела отца.

Но и оправдывать его за собственный счет больше не собиралась.

Вечером Всеволод позвонил ровно в восемь.

Я приготовила лист бумаги и ручку.

— Привет, Лина.

— Привет.

— Как ты?

— Работаю. Готовлюсь к четвергу.

— А, твои курсы.

Я посмотрела на список учеников.

— Да. Клуб.

— Хорошо. Это полезно, когда есть чем заняться.

Я замерла.

Он сказал это без насмешки. Вероятно, действительно считал, что нашел подходящие слова.

— Сева, давай по делу.

— Хорошо. Смотри. Коммунальные платежи я пока оставляю на себе. Все, что касается обслуживания квартиры, тоже. Продукты и личные расходы ты можешь оплачивать с общего счета.

— А потом?

— Потом разберемся.

— Что будет с квартирой?

Он помолчал.

— Я предлагаю пока ничего не менять.

— На какой срок?

— Лина, мы всего несколько дней живем отдельно.

— Именно поэтому я спрашиваю. Мне нужно понимать, что делать дальше.

— Ты можешь оставаться там сколько потребуется.

Я провела ручкой линию на бумаге.

— Ты говоришь так, будто квартира принадлежит только тебе.

— Я этого не говорил.

— Тогда давай говорить иначе. У нас общая квартира. Мы должны решить, что будем с ней делать, когда дойдем до раздела имущества.

— Конечно.

— И мне нужен доступ ко всем документам. Не только к тем, которые ты считаешь нужным показать.

Он шумно выдохнул.

— Я что, когда-нибудь что-то от тебя скрывал?

Вопрос ударил сильнее, чем я ожидала.

Я посмотрела на пустой стул напротив.

Пять дней назад я была уверена, что муж не собирается от меня уходить.

— Ты несколько месяцев готовил развод, — сказала я. — Снял квартиру. Собрал вещи. И ничего мне не говорил.

— Я не хотел тревожить тебя раньше времени.

— Теперь я хочу знать, как обстоят дела.

Он помолчал.

— Хорошо. Завтра пришлю копии основных документов.

— Спасибо.

— Только, Лина, я бы не хотел, чтобы мы превращали все это в войну.

— Я тоже.

— Тогда давай без недоверия.

Я посмотрела на ручку.

— Доверие сейчас не очень хорошо получается.

Он ничего не ответил.

Мы обсудили еще несколько бытовых вопросов. Кто заберет его книги, что делать с общей страховкой, какие платежи приходят в феврале.

Когда разговор закончился, я посмотрела на исписанный

лист.

Мне стало немного спокойнее.

Не потому, что Всеволод обещал обо мне позаботиться. Просто теперь хотя бы часть вопросов была записана и требовала конкретного решения.

Одиннадцатого февраля я приехала в центр с двумя пакетами учебных материалов.

Купила маркеры, разноцветные карточки, бумагу, несколько пластиковых папок и пачку салфеток. Еще небольшой электрический чайник, который собиралась держать в шкафу.

Дина встретила меня на первом этаже.

— Ну, почти готово.

— Почти?

— Все хорошо, не пугайся. Просто доску еще не повесили. Я посмотрела на нее.

— Мы же договаривались.

— Родион сказал, что сегодня сделают. Не переживай.

Я поднялась наверх.

В комнате действительно было чисто. Шкаф стоял возле стены, на дверце уже появился маленький замок. Стулья расставили вдоль стены, стол выдвинули к окну.

Доска лежала на полу.

Я поставила пакеты и присела возле нее.

— Не трогайте, пожалуйста.

Я подняла голову.

Родион стоял в дверях.

На нем была светлая рубашка с закатанными рукавами. В одной руке он держал папку, в другой — телефон.

— Я только посмотреть хотела.

— У нее металлический край. Пока лежит, лучше не поднимать.

— Понятно.

Он вошел, поставил папку на стол.

— Через полчаса придет человек с крепежом. Повесит.

— А почему не вчера?

— Проверяли стену. Там старые отверстия и проводка.

— Я уже испугалась, что придется проводить занятие с доской на коленях.

— Можете, конечно. Но ученики вряд ли оценят.

— У меня взрослые ученики. Они многое повидали.

Он усмехнулся.

Я достала из пакета карточки и начала раскладывать их на столе.

Родион смотрел несколько секунд.

— Это для английского?

— Да.

— А почему тут написано «чайник»?

Я взглянула на карточку.

— Потому что это русская сторона. На другой будет kettle.

— Понятно.

Он взял одну карточку, перевернул.

— А здесь написано «пожалуйста, не трогайте мой бутерброд».

Я рассмеялась.

— Это для разговорной ситуации.

— Надеюсь, важной.

— Очень. Представьте, что вы работаете в большом офисе, где кто-то постоянно забирает вашу еду из холодильника.

— В моем офисе это была бы серьезная проблема.

— Вот видите. Английский необходим.

Он положил карточку обратно.

— А зачем вы вообще открываете клуб? Вам индивидуальных занятий мало?

Я задумалась.

Вопрос был простой, но я давно никому на него толком не отвечала.

Всеволод считал, что групповые занятия потребуют слишком много сил. Дина интересовалась условиями аренды. Ученики спрашивали о цене.

— Мне нравится, когда люди начинают разговаривать друг с другом, — сказала я. — Не только со мной.

Родион прислонился к краю стола.

— В смысле?

— Индивидуальный урок проще. Я могу подобрать темп, исправить ошибку, объяснить непонятное. А когда взрослых людей собираешь вместе, они сначала очень боятся вы-

глядеть глупо. Потом кто-нибудь ошибается, все смеются, и вдруг становится легче.

— Вам нравится этот момент?

— Очень.

Я улыбнулась, вспоминая одну из своих первых групп, которую вела много лет назад.

— У меня была ученица, которая три месяца отвечала только короткими фразами. А потом мы разыгрывали ситуацию в аэропорту. Ей досталась роль пассажирки, потерявшей багаж. Она так разозлилась на сотрудника аэропорта, что минут пять говорила почти без остановки. Ошибалась, конечно, ужасно.

— Но багаж получила?

— В нашей игре — да. Причем потребовала компенсацию.

Родион засмеялся.

Его смех оказался неожиданно приятным. Низкий, негромкий.

— Значит, ваша задача — разозлить учеников?

— Иногда помогает.

Он посмотрел на разложенные карточки.

— А вы много лет преподаете?

— Почти двадцать. С перерывами, конечно. Мы часто переезжали.

— Из-за работы мужа?

Я кивнула.

— Да. Он военный. Сейчас уже в отставке.

— Понимаю.

Он не стал спрашивать, где служил мой муж и в каком звании. Я была этому рада.

— А вы давно в архитектуре? — спросила я.

— С университета. В разные стороны уходил, но вернулся.

— У вас собственная компания?

— Бюро с партнером. Небольшое.

— И вы лично следите за каждой доской?

— Только за особенно упрямыми.

Он посмотрел на лежащую доску, и я улыбнулась.

Затем его телефон зазвонил.

Родион посмотрел на экран.

— Извините. Мне нужно ответить.

Я кивнула и занялась карточками.

Он вышел в коридор.

Через несколько секунд я услышала его голос:

— Да, я помню. Нет, раньше семи не получится... Скажи, что я подойду к началу, если успею.

Я не прислушивалась специально. Но голос доносился отчетливо.

— Я понимаю, что ты все организовала. Просто у меня здесь еще люди.

Он помолчал.

— Хорошо. Давай вечером.

Я перевернула карточку, на которой было написано

sandwich.

Странно, но мне стало неудобно, будто я услышала что-то слишком личное.

Когда Родион вернулся, он выглядел чуть более усталым.

— Все в порядке? — спросила я.

— Да. Жена готовит мероприятие. Я обещал приехать, а теперь, похоже, опоздаю.

— Она тоже занимается организацией?

— Да. Культурные события, презентации, разные проекты. У нее работа, в которой опоздание на десять минут может превратиться в катастрофу.

— И вы часто опаздываете?

Он посмотрел на меня с короткой улыбкой.

— По мнению жены — чаще, чем следует.

Я подумала, что могла бы сказать то же самое о Всеволоде.

Только теперь такие сравнения почему-то казались неуместными.

Родион взглянул на часы.

— Мне пора. Если с доской будут вопросы, Дина знает мой номер.

— Спасибо.

Он кивнул и направился к двери.

— Родион?

Он обернулся.

— Да?

— А вы бы сами пошли на разговорный клуб? Если бы

не работа.

Он задумался.

— Возможно. Но сначала убедился бы, что мне не придется рассказывать о потерянном багаже перед шестью незнакомыми людьми.

— Значит, точно пошли бы. Это самая распространенная просьба новичков.

— Какая?

— Чтобы им не пришлось разговаривать.

Он засмеялся.

— Удачи завтра, Эвелина.

— Спасибо.

Я смотрела ему вслед несколько секунд.

Потом повернулась к столу и неожиданно обнаружила, что улыбаюсь.

Мне было приятно поговорить с человеком о работе. Не о разводе, не о моем состоянии, не о том, как я собираюсь теперь жить.

Просто о карточках, доске, взрослых учениках и человеке, который боялся потерять бутерброд.

Двенадцатого февраля я пришла в центр за час до занятия.

Доска висела на стене. Шкаф был закреплен, чайник стоял на нижней полке. На двери появилась небольшая табличка: «Разговорный клуб. Эвелина Зарецкая».

Дина сделала ее сама.

— Потом закажем нормальную, — сказала она. — А пока пусть будет.

Я провела пальцем по краю пластика.

— Спасибо.

— Ну что, волнуешься?

— Очень.

— Это хорошо.

— Почему?

— Потому что тебе не все равно.

Я усмехнулась.

— Мне бы сейчас больше понравилось, если бы было немного все равно.

Она обняла меня и ушла на первый этаж.

Я осталась одна.

Поставила стулья полукругом. На каждом положила папку и ручку. Проверила маркеры, налила воду в чайник, включила свет.

Потом выключила верхнюю лампу: слишком ярко.

Включила снова.

На всякий случай открыла окно, но сразу закрыла. В комнату ворвался ледяной воздух.

В половине шестого мне написала одна из учениц:

«Эвелина, я немного задержусь. Работа».

Я ответила, что ничего страшного.

Через пять минут пришло сообщение от другого участни-

ка:

«А можно сегодня просто послушать? Я очень плохо разговариваю».

Я посмотрела на экран.

Раньше я наверняка написала бы длинное объяснение, что бояться не нужно, никто не будет оценивать и все получится.

Теперь ответила коротко:

«Можно начать с простых фраз. Помогу. До встречи».

В шесть пятнадцать пришла первая ученица.

Ее звали Инга. Высокая женщина лет тридцати пяти, с короткими волосами и ярко-красным шарфом.

— Я рано, да?

— Совсем нет. Проходите.

— Я боялась не найти вход.

Она сняла шарф, огляделась.

— Уютно.

Я почувствовала неожиданную радость.

— Спасибо. Пока только начинаем обустраиваться.

— А вы здесь одна будете преподавать?

— Пока да.

Инга выбрала стул возле окна.

Через несколько минут пришел Марат, мужчина лет сорока, который работал в логистической компании. Потом Оксана, молодая женщина из медицинской лаборатории. За ней Павел, недавно сменивший работу и решивший наконец заняться английским.

Последними появились Ярослав и Глеб.

Глеб сразу извинился за опоздание, хотя часы показывали без двух минут половина седьмого.

Все расселись.

Я встала перед ними.

И вдруг поняла, что забыла первое предложение.

Я готовила его несколько дней. Переписывала вступление, убирала лишние слова, репетировала перед зеркалом.

Теперь шесть взрослых людей смотрели на меня, а в голове было пусто.

Я положила ладонь на стол.

— Добрый вечер. Меня зовут Эвелина Зарецкая. Я очень рада, что вы пришли.

Голос прозвучал немного выше обычного.

Инга улыбнулась.

Я сделала вдох.

— Предлагаю сразу договориться об одном. Здесь можно ошибаться. Можно не знать слово. Можно попросить повторить. Нельзя только смеяться над человеком, который пытается сказать что-то сложное для себя.

Глеб кивнул с такой серьезностью, будто мы обсуждали правила безопасности.

Я улыбнулась.

— А теперь познакомимся.

Первые десять минут все шло почти идеально.

Мы называли имена, рассказывали о работе, обсуждали,

зачем нужен английский.

Потом я раздала карточки.

На каждой была небольшая ситуация. Нужно было придумать ответ и разыграть короткий диалог.

Инга справилась быстро. Павел тоже.

А Глеб посмотрел на свою карточку и застыл.

— Я не знаю, как это сказать, — произнес он по-русски.

— Давайте вместе.

— Нет, я вообще не знаю. Там слишком сложно.

Я подошла ближе.

На карточке было написано: «Вы опоздали на самолет, потому что перепутали терминалы. Объясните ситуацию сотруднику аэропорта».

Я перечитала задание.

Для первого занятия оно действительно оказалось слишком сложным.

Глеб начал извиняться.

— Я же говорил, что плохо разговариваю.

Я почувствовала знакомое желание немедленно объяснить ему все сама.

Составить за него диалог. Подсказать каждое слово. Сделать так, чтобы он не испытывал неловкости.

Но тогда он опять уйдет с занятия, так и не попробовав говорить.

Я взяла карточку.

— Знаете что? Это я дала слишком сложное задание. Да-

вайте начнем с другого.

Глеб поднял голову.

— Правда?

— Правда. Я хотела сразу отправить вас в аэропорт, а мы еще даже кофе не выпили.

Инга рассмеялась.

Напряжение чуть ослабло.

Я достала чистые карточки.

— Представим, что мы в кафе. Вы хотите заказать чай или кофе. Но официант перепутал заказ.

— Это уже жизненно, — сказал Марат.

— Отлично. Тогда вы будете официантом.

Он усмехнулся.

— Я? С моим английским?

— Именно.

Через десять минут они уже разыгрывали диалоги.

Марат упорно предлагал всем чай, даже когда его просили о кофе. Инга возмущалась, что заплатила за капучино, а получила воду. Павел пытался объяснить, что ему нужна другая ложка, и случайно попросил еще одну тарелку.

Мы смеялись.

Глеб сначала молчал. Потом тихо произнес:

— Excuse me, this is not my coffee.

Я повернулась к нему.

— Very good. What happened?

Он задумался.

— I wanted tea.

Марат сделал вид, что записывает заказ.

— One tea.

— Without sugar, — добавил Глеб.

Потом сам засмеялся.

Я не стала хвалить его чрезмерно. Просто продолжила диалог.

К концу занятия все устали, но уже говорили свободнее.

Я заметила это по тому, как люди перестали смотреть на меня после каждой фразы. Они начали обращаться друг к другу.

Именно ради этого я затеяла клуб.

Когда занятие закончилось, никто не бросился сразу к двери.

Инга спросила, будут ли у нас разговоры о путешествиях.

Марат интересовался, можно ли иногда заниматься профессиональной лексикой.

Павел хотел знать, нужно ли покупать учебник.

Я отвечала, записывала пожелания, обещала прислать материалы.

Оксана задержалась последней.

— Эвелина, можно вопрос?

— Конечно.

Она немного смутилась.

— А вы не будете ругаться, если я не успею сделать домашнее задание?

Я посмотрела на нее.

— Нет. Мы взрослые люди. У каждого есть работа и другие обязанности. Но если хотите результат, лучше делать хотя бы часть.

Она улыбнулась.

— Спасибо. А то у меня со школы осталась привычка бояться преподавателей.

— Надеюсь, у нас она пройдет.

Когда дверь за ней закрылась, я опустилась на ближайший стул.

Ноги гудели.

Во рту пересохло, хотя я почти все занятие пила воду.

На полу лежала забытая ручка. На доске остались слова, которые мы записывали во время последнего упражнения.

Я смотрела на них и улыбалась.

Получилось.

Не идеально. Я допустила несколько ошибок в организации, дала слишком сложное задание, плохо рассчитала время на одну из игр.

Но люди разговаривали.

И обещали прийти снова.

Я достала телефон.

Нике отправила фотографию комнаты.

«Первое занятие прошло. Все живы. Даже преподаватель».

Ответ пришел почти сразу:

«Урааа! Мам, красиво!»

Следом она прислала несколько сердечек.

Я открыла переписку с Всеволодом.

Последнее сообщение было о документах.

Мне вдруг захотелось рассказать ему.

Он знал, как долго я готовилась. Знал, сколько раз я меняла программу. Видел коробки с материалами, которые стояли в кабинете с января.

Я даже набрала: «Сегодня провела первое занятие».

Потом стерла.

Не потому, что хотела наказать его молчанием.

Просто поняла: мне сейчас нужна радость, а не осторожное одобрение человека, который решил больше не быть частью моей жизни.

Я убрала телефон.

В коридоре слышались шаги.

Я подняла голову.

Родион остановился в дверях.

— Уже закончили?

— Да.

Он посмотрел на часы.

— Вы задержались.

— У нас был первый день. Люди много спрашивали.

— Как прошло?

Я неожиданно широко улыбнулась.

— Хорошо.

Он посмотрел на доску.

— Судя по надписи, кто-то требовал другой кофе.

Я оглянулась.

В самом центре доски большими буквами было написано:

THIS IS NOT MY COFFEE.

Я рассмеялась.

— Это была серьезная учебная ситуация.

— Надеюсь, конфликт удалось урегулировать.

— Почти. Один участник упорно пытался выдать всем чай.

Родион покачал головой.

— Опасный человек.

Я поднялась и начала собирать карточки.

Он посмотрел на разложенные стулья.

— Вам помочь?

— Спасибо, я сама.

— Я не сомневаюсь. Просто спросил.

Я остановилась.

Обычная фраза. Ничего особенного.

Но я вдруг вспомнила, как часто Всеволод, предлагая помощь, уже заранее решал, что именно нужно сделать и каким способом.

— Тогда можете сложить два стула, — сказала я. — Только не прищемите пальцы.

Родион улыбнулся.

— Постараюсь.

Мы быстро убрали комнату.

Я закрыла шкаф, проверила чайник, собрала забытые листы.

— Вы каждый вечер здесь работаете? — спросила я.

— Нет. Сегодня задержался из-за подрядчика.

— Я думала, вы уже закончили эту часть ремонта.

— Почти. Но один вопрос обнаружился поздно.

Он показал на стену за шкафом.

— Там старая проводка. Завтра проверят еще раз. Если захотите поставить дополнительную розетку, сначала скажите Дине.

— Хорошо.

Мы вышли в коридор.

Я закрыла дверь, проверила замок.

Родион посмотрел на мою сумку.

— Тяжелая?

— Нормальная.

— В ней вся английская грамматика?

— Только та, которую я сегодня не успела объяснить.

Он тихо засмеялся.

Мы спустились на первый этаж.

У выхода я остановилась, чтобы застегнуть пальто. Родион придержал дверь.

На улице было темно и холодно. Снег под фонарем казался серым, почти грязным.

— Вас встретят? — спросил он.

— Нет. Я на машине.

— Тогда осторожнее на дороге.

— Спасибо. И вам хорошего вечера.

Я сделала несколько шагов, потом обернулась.

Он еще стоял у дверей, разговаривая с кем-то по телефону.

Я подумала, что ему наверняка давно пора домой.

К жене.

И почему-то почувствовала легкую неловкость от того, что он задержался из-за меня.

Хотя, если подумать, никто его не просил.

Тринадцатого февраля прошла вторая группа.

Людей оказалось пятеро. Шестая участница заболела и предупредила заранее.

На этот раз я не пыталась продемонстрировать все подготовленные упражнения за один вечер.

Начала с простого разговора, позволила ученикам самим выбрать темы и только потом перешла к карточкам.

Получилось спокойнее.

После занятия я еще двадцать минут обсуждала с одной женщиной, как ей перестать бояться рабочих звонков на английском.

Когда вернулась домой, было почти десять.

Я разогрела суп, села на диван и включила телевизор.

Шла какая-то передача, участники которой оживленно

обсуждали семейные отношения.

Я сразу выключила.

В тишине стало хуже.

Хотелось, чтобы кто-нибудь пришел, снял пальто, спросил, что на ужин. Даже если я разозлилась бы на сам вопрос.

Я скучала по обычным звукам совместной жизни.

По тому, как Всеволод хлопал дверцей шкафа. Как раздражался, если не находил зарядку. Как перед сном обязательно проверял, выключен ли свет в прихожей.

Мне хотелось вспомнить только плохое.

Но память упорно подсовывала хорошее.

Нашу первую поездку на море, когда Нике было четыре года. Она боялась больших волн, и Всеволод носил ее на плечах, пока я фотографировала. Его лицо после того, как он узнал о назначении на новую должность. Нашу кухню в первой съемной квартире, где мы ели макароны из одной большой миски, потому что остальную посуду еще не распаковали.

Я любила этого человека.

Не всегда одинаково. Не каждый день с восторгом. Но любила.

И мне было трудно поверить, что он смог так спокойно от всего отказаться.

В половине одиннадцатого пришло сообщение от Дины.

«Завтра у нас небольшая встреча организаторов. Будет кофе, пирог, немного разговоров. Приходи, если захочешь».

Я посмотрела на дату.

Четырнадцатое февраля.

Раньше этот день не был для нас с Всеволодом большим праздником. Иногда мы ужинали где-нибудь, иногда обменивались маленькими подарками, иногда вообще забывали.

Но в этом году я впервые должна была провести его одна.

Я ответила:

«Спасибо. Подумаю».

Потом открыла шкаф и долго смотрела на одежду.

Мне казалось, что для начала новой жизни требуются какие-то внешние изменения.

Новая стрижка. Другое платье. Помада, которой я никогда не пользовалась.

Я достала темно-зеленую блузку.

Всеволод когда-то сказал, что этот цвет делает меня слишком бледной.

Я приложила ее к себе перед зеркалом.

Серые глаза, темные волосы, уставшее лицо.

Не настолько бледная.

Я повесила блузку на дверцу шкафа.

Четырнадцатого февраля я все-таки приехала в центр.

На улице былолюдно. Возле цветочного магазина стояли мужчины с букетами, у кафе фотографировались две девушки, смеясь и поправляя друг другу волосы.

Я прошла мимо них, стараясь не думать о том, что год

назад в это время выбирала подарок мужу.

Дина встретила меня с тарелкой пирога.

— О, какая красавица!

Я посмотрела на свою зеленую блузку.

— Не преувеличивай.

— Я совершенно серьезно. И цвет тебе идет.

Я взяла тарелку.

— Спасибо.

В небольшой комнате собрались человек десять. Кто-то обсуждал расписание выставок, кто-то рассказывал о новом курсе фотографии.

Меня представили преподавателем английского.

Я сначала смутилась, потом втянулась в разговор.

Один мужчина спросил, можно ли у меня заниматься с нуля. Женщина из художественной студии рассказала, как давно хочет научиться разговаривать с иностранными клиентами. Еще кто-то заинтересовался группой выходного дня.

Я записала два номера телефона и пообещала написать условия.

Дина довольно улыбалась.

— Я же говорила, что тебе нужно выходить к людям.

— Ты говорила, что будет пирог.

— Это тоже важная часть плана.

Я засмеялась.

Потом увидела Родиона.

Он стоял у окна с чашкой кофе и разговаривал с невысо-

ким мужчиной в очках. Был в темной рубашке и обычных джинсах, без куртки.

Когда заметил меня, кивнул.

Я ответила.

Через несколько минут он подошел.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте.

— Как прошла вторая группа?

— Спокойнее первой. Я уже знала, чего ожидать.

— Значит, открытие состоялось.

— Похоже на то.

Он посмотрел на тарелку у меня в руках.

— Пирог хороший?

— Очень. Только я не знаю, что внутри.

— Тогда, пожалуй, рискну.

Я улыбнулась.

— Вы архитектор. Должны уметь оценивать риски.

— На работе я стараюсь их уменьшать. В остальных случаях можно позволить себе кусок неизвестного пирога.

Он взял тарелку со стола.

Мы несколько минут говорили о центре. Родион рассказал, что раньше здесь располагалось другое учреждение, потом здание несколько лет стояло полупустым, пока его не решили переоборудовать.

Я слушала, представляя старые коридоры, закрытые двери, комнаты без людей.

— А вам нравится возвращать такие места к жизни? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Да. Хотя это не всегда выгодно.

— Почему?

— Проще построить новое. Здесь постоянно обнаруживается что-нибудь, чего нет на старых чертежах. Но когда работа закончена, приятно видеть, что люди снова пользуются помещениями.

Я кивнула.

— Наверное, понимаю.

— У вас почти то же самое, — сказал он.

— В каком смысле?

— Вы берете взрослых людей, которые давно решили, что никогда не заговорят по-английски, и пытаетесь убедить их попробовать еще раз.

Я рассмеялась.

— Надеюсь, мои ученики не сравнимы со старой проводкой.

— Я бы не стал проводить такие параллели при них.

Разговор получился легким.

Мне не приходилось придумывать, что сказать дальше.

Потом у Родиона зазвонил телефон.

Он посмотрел на экран.

— Извините. Нужно ответить.

Я кивнула.

Он отошел в коридор.

Я взяла еще кусочек пирога и вернулась к Дине.

— Ну как? — спросила она.

— Что?

— Люди. Атмосфера. Есть смысл устраивать такие встречи чаще?

— Конечно.

Она посмотрела в сторону коридора.

— Родион, кстати, очень помог с ремонтом. Без него мы бы еще месяц согласовывали мелочи.

— Он производит впечатление человека, который любит все держать под контролем.

— Есть такое. Но по работе это полезно.

Я улыбнулась.

Когда вернулась домой, настроение оказалось неожиданно хорошим.

Впервые за несколько дней я не спешила включить телевизор.

Сделала чай, вымыла чашку, разложила на столе листы с новыми контактами.

Потом позвонила Нике.

Она рассказала о своем дне, пожаловалась на соседку, которая без спроса взяла ее фен, и спросила, правда ли я собираюсь расширять занятия.

— Пока рано говорить, — ответила я. — Сначала нужно посмотреть, как пойдут первые группы.

— А ты сама хочешь?

— Очень.

— Тогда пробуй.

Я улыбнулась.

— Спасибо за разрешение.

— Пожалуйста. Я добрая.

Мы еще немного посмеялись.

После звонка я открыла шкаф и убрала зеленую блузку.

Мне нравилось, как я в ней выглядела.

Всеволод ошибался.

По крайней мере, насчет цвета.

Пятнадцатого февраля я занялась домашними документами.

Не потому, что внезапно полюбила бумаги.

Просто Всеволод прислал сканы нескольких документов, и я поняла, что почти ничего не знаю о том, как хранятся остальные.

В его кабинете стоял большой шкаф. Верхние полки занимали профессиональные книги, внизу лежали папки с договорами, гарантийными талонами и старыми квитанциями.

Я принесла коробку, поставила на пол и начала перебирать содержимое.

Чеки от покупки холодильника.

Документы на машину.

Старые страховые полисы.

Договор о покупке квартиры.

Я достала его, села за письменный стол и прочитала внимательнее, чем в день подписания.

Тогда мы оба были счастливы. Ника заканчивала школу, у Всеволода появилась возможность чаще бывать дома, а квартира казалась окончательным решением всех наших бесконечных переездов.

Я помнила, как мы выбирали обои.

Он хотел светлые, почти белые. Я настаивала на теплом бежевом оттенке. В итоге выбрали что-то среднее, а потом долго спорили, кто оказался прав.

Я посмотрела на стены кабинета.

Светлые.

Все еще светлые.

Я положила договор в отдельную папку.

Через час у меня появилась небольшая стопка бумаг, которые стоило показать юристу, когда мы начнем оформлять развод.

Я еще не знала, к кому обращаться.

Слово «юрист» раньше ассоциировалось у меня с чужими проблемами. Теперь оно означало возможность хотя бы понять, что происходит.

Телефон завибрировал.

Всеволод.

«Завтра заеду за оставшимися документами. Будешь дома после шести?»

Я посмотрела на стол.

«Буду. Предупреди за час».

«Хорошо».

Через несколько минут пришло еще одно сообщение.

«Надеюсь, сможем поговорить спокойно».

Я долго смотрела на экран.

Он почти всегда добавлял это слово.

Спокойно.

Будто моя боль была неудобным шумом, который следовало выключить прежде, чем он сможет продолжить разговор.

Я написала:

«Я тоже».

И убрала телефон.

Вечером мне вдруг захотелось приготовить что-нибудь сложное.

Не просто разогреть суп или сделать омлет, а поставить тесто, нарезать овощи, заняться чем-то, что требует времени.

Я нашла рецепт пирога с курицей и грибами, который давно собиралась попробовать.

В процессе выяснилось, что не хватает сливок.

Я надела куртку и спустилась в магазин.

На кассе стояла девушка с огромным букетом роз. Рядом с ней мужчина держал пакет с тортом.

Они спорили, какую музыку включить дома.

Я стояла за ними со сливками и маленьким пакетом муки.

Мне неожиданно захотелось плакать.

Не из зависти.

Просто я слишком хорошо помнила, каково это — спорить с мужем о пустяках, уверенная, что вечером вы все равно окажетесь за одним столом.

Девушка обернулась и улыбнулась мне.

Я улыбнулась в ответ.

Дома испекла пирог.

Получился он не слишком красивым. Тесто с одного края поднялось сильнее, начинка немного вытекла.

Я отрезала большой кусок, положила на тарелку.

Села за стол.

И вдруг поняла, что мне вкусно.

Я приготовила еду только для себя.

Не выбирала начинку с учетом того, что Всеволод не любил слишком много грибов. Не откладывала самый румяный кусок для него. Не ждала, пока кто-нибудь закончит разговор по телефону.

Просто ела теплый пирог и читала сообщения от учеников.

Это было очень маленькое удовольствие.

Но я запомнила его.

Шестнадцатого февраля Всеволод приехал в половине седьмого.

Я открыла дверь и сразу заметила, что он подстригся.

Раньше я сама записывала его к мастеру, потому что он вечно забывал о стрижке до последнего дня перед каким-нибудь мероприятием.

Теперь волосы лежали аккуратно. На нем было новое пальто, которого я прежде не видела.

— Привет, Лина.

— Привет.

Он вошел, снял обувь, оглядел прихожую.

— Ты убрала мои вещи?

— Тапки в шкафу. Остальное не трогала.

— Понятно.

Он прошел в кабинет.

Я последовала за ним.

Всеволод остановился возле стола, увидел разложенные папки.

— Разбирала документы?

— Да.

— Могла спросить, я бы сам нашел.

— Я и нашла.

Он посмотрел на меня.

Потом открыл верхний ящик.

Вынул небольшую папку и конверт.

Я стояла возле двери и наблюдала за его движениями.

Все было слишком знакомым.

Он по-прежнему знал, где лежат документы. По-прежне-

му не включал верхний свет, если хватало настольной лампы. По-прежнему складывал бумаги ровными стопками.

Только теперь все это происходило в квартире, из которой он собирался окончательно уйти.

— Чай будешь? — спросила я.

Слова вырвались сами.

Всеволод поднял голову.

— Если не трудно.

Я пошла на кухню.

Поставила чайник, достала две чашки.

Потом остановилась и посмотрела на них.

Снова две.

Я могла не предлагать чай.

Могла сказать, что он забрал документы и пора уходить.

Но я уже предложила. И, если говорить правду, мне самой хотелось посидеть с ним несколько минут.

Не потому, что я собиралась просить его вернуться.

Мне хотелось понять, как человек, с которым прожито столько лет, мог стать почти незнакомым.

Когда Всеволод вошел на кухню, я поставила перед ним чашку.

Он сел на свое старое место.

Я села напротив.

Несколько секунд мы молчали.

— Как Ника? — спросил он.

— Нормально. Учится.

— Она со мной разговаривает очень сухо.

— Ей нужно время.

— Ты ей что-то говорила?

Я посмотрела на него.

— Сказала правду. Что ты хочешь развестись.

— Только это?

— А что еще я должна была сказать?

Он поправил рукав.

— Не знаю. У меня ощущение, что она настроена против меня.

— Сева, ей девятнадцать. Она сама может решить, как относиться к происходящему.

Он помолчал.

— Я не хотел делать ей больно.

— Но сделал.

Всеволод отвел взгляд.

Я сделала глоток чая.

— Как у тебя дела? — спросила я.

Он посмотрел на меня с легким удивлением.

— Нормально.

— Квартира удобная?

— Да.

— Работаете?

— Есть несколько предложений. Пока думаю.

Я кивнула.

Мы снова замолчали.

За окном проехала машина, свет фар скользнул по потолку.

— Лина, я хотел еще кое-что обсудить, — сказал Всеволод.

Я поставила чашку.

— Слушаю.

Он вздохнул.

— Я думаю, нам стоит не затягивать с разводом. Чем дольше все будет находиться в подвешенном состоянии, тем тяжелее обоим.

— Согласна.

Он чуть приподнял брови.

Наверное, ожидал другого ответа.

— Хорошо. Тогда можем подготовить документы.

— Я хочу сначала поговорить с юристом.

— Зачем?

— Чтобы понимать свои права.

— Ты думаешь, я тебя обману?

Я посмотрела на него.

Вопрос прозвучал почти так же, как несколько дней назад.

— Думаю, что мне нужна независимая консультация.

— У нас нет сложных имущественных вопросов.

— У нас общая квартира и накопления.

— Все можно решить спокойно.

— Я и собираюсь решать спокойно.

Он провел ладонью по лицу.

— Ты изменилась за несколько дней.

Я едва не рассмеялась.

— Нет, Сева. Я пока даже не успела измениться.

— Раньше ты не разговаривала со мной таким тоном.

— Каким?

— Будто мы чужие люди.

Я посмотрела на чашку в его руках.

— А кто мы теперь?

Он не ответил.

Мне стало больно от собственного вопроса.

Я не хотела быть жестокой. Не хотела заставить его чувствовать себя виноватым за каждую минуту нашего разговора.

Но и делать вид, что между нами ничего не произошло, больше не могла.

Всеволод поставил чашку.

— Есть еще одна вещь, о которой тебе нужно знать.

Я подняла голову.

Что-то в его голосе изменилось.

Он больше не звучал раздраженно. Скорее собранно, будто перед неприятным служебным разговором.

— Какая?

Он посмотрел на меня.

— Я не совсем правильно объяснил тебе причины нашего расставания.

У меня похолодели руки.

— В каком смысле?

Всеволод помолчал.

— В моей жизни появилась женщина.

Несколько секунд я просто смотрела на него.

Потом спросила:

— Когда?

Он отвел глаза.

— Лина...

— Когда она появилась?

— Это не имеет значения.

Я почувствовала, как поднимается злость.

— Для тебя, может быть, не имеет. Для меня имеет.

Всеволод медленно выдохнул.

— Мы познакомились прошлым летом.

Я посмотрела на календарь возле холодильника.

Февраль.

Прошрое лето.

— В июле? — спросила я.

Он кивнул.

— Примерно.

— Семь месяцев назад?

— Да.

Я услышала собственное дыхание.

Семь месяцев.

В июле мы ездили с Никой в загородный отель. Всеволод задержался на два дня, потому что у него была встреча.

В августе он привез мне из поездки красивый блокнот в кожаной обложке.

В сентябре мы отмечали восемнадцатую годовщину свадьбы.

Я сама заказала столик в ресторане, где мы когда-то праздновали десятилетие.

Он подарил мне серьги.

Семь месяцев.

— Ты с ней встречался все это время? — спросила я.

Всеволод посмотрел на стол.

— Да.

Я медленно отодвинула чашку.

— И четвертого февраля ты сказал, что другой женщины нет.

— Я не хотел причинять тебе дополнительную боль.

Я посмотрела на него.

— Ты серьезно?

— Лина, пойми...

— Ты семь месяцев мне изменял. Потом сказал, что больше меня не любишь. А когда я спросила, есть ли другая женщина, ты соврал. Чтобы не причинить мне боль?

Он напрягся.

— Я не собирался устраивать допрос.

— Это не допрос. Это мой брак.

— Я понимаю.

— Нет.

Голос сорвался.

Я сжала руки под столом.

— Ты не понимаешь. Я семь месяцев жила с человеком, который возвращался домой после встреч с другой женщиной. Спала с тобой. Готовила тебе ужины. Рассказывала о своих планах. И понятия не имела, что происходит.

Всеволод опустил голову.

Я ждала.

Может быть, он скажет, что ему стыдно.

Что он не знал, как признаться.

Что хотя бы понимает, насколько жестоко поступил.

Но он сказал:

— Между нами давно не было прежней близости.

Я медленно поднялась.

— Не надо.

Он посмотрел на меня.

— Лина...

— Не надо объяснять мне, что ты изменял из-за меня.

— Я этого не говорил.

— Именно это ты сейчас и делаешь.

Он тоже встал.

— Я пытаюсь объяснить, как все произошло.

— Тогда начни с правды.

Он замолчал.

Я подошла к окну.

На стекле отражалась кухня. Стол, две чашки, темная фи-

гура мужа.

Я вспомнила, как несколько дней назад стояла здесь же, когда он объявил о разводе.

Тогда мне казалось, что больше уже не будет.

Ошиблась.

— Кто она? — спросила я, не оборачиваясь.

За спиной послышался тихий звук. Всеволод, кажется, отодвинул стул.

— Ее зовут Стефания.

Я закрыла глаза.

Красивое имя.

Почему-то именно это пришло в голову первым.

— Фамилия?

Он помолчал.

— Левицкая.

Я повернулась.

— Стефания Левицкая?

— Да.

Я повторила имя про себя.

Ничего оно мне не говорило.

— Сколько ей лет?

— Тридцать четыре.

Мне сорок один.

Семь лет разницы.

Я почувствовала нелепое желание подойти к зеркалу и рассмотреть свое лицо. Найти морщины, которых раньше не

замечала. Проверить, как выглядят волосы, когда я не успела их уложить.

Я ненавидела себя за это желание.

— Чем она занимается?

— Организацией мероприятий.

— Где вы познакомились?

— На одном из проектов. Она помогала с подготовкой.

Я вспомнила прошлое лето.

Всеволод много ездил на встречи, выступал, иногда участвовал в общественных мероприятиях.

Я считала, что после отставки ему необходимо найти занятие, которое приносило бы удовольствие.

Старалась поддерживать.

— Ты собираешься жить с ней? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Да.

Слово прозвучало почти неслышно.

Я почувствовала, что ноги стали ватными.

Пришлось опереться рукой о подоконник.

— Уже живешь?

— Пока нет. У нее тоже есть обстоятельства, которые нужно решить.

Я повернулась к нему.

— Какие обстоятельства?

Всеволод сжал губы.

— Это касается ее личной жизни.

— А моя личная жизнь, значит, никого не касается?

— Лина...

— Она замужем?

Он не ответил.

Ответ был настолько очевидным, что я даже не стала повторять вопрос.

Я отвернулась.

Внутри стало холодно.

До этого момента я представляла другую женщину свободной. Молодой, красивой, независимой. Той, которая появилась в жизни мужа и оказалась ему интереснее.

Теперь выяснялось, что он разрушал не только наш брак.

Где-то существовал еще один человек.

Муж этой Стефании.

Возможно, он тоже жил спокойно, строил планы, покупал продукты по дороге домой.

И понятия не имел, что его жена уже семь месяцев встречается с моим мужем.

— Он знает? — спросила я.

Всеволод молчал.

Я обернулась.

— Ее муж знает?

— Я не собираюсь обсуждать их отношения.

— Значит, не знает.

— Эвелина, пожалуйста.

Он впервые за весь разговор назвал меня полным именем.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, как сильно устала.
Не физически.

Я устала объяснять, почему его поступки имеют значение.

Почему нельзя спокойно перечислить последствия и считать вопрос закрытым.

— Зачем ты мне это сейчас рассказал? — спросила я.

Всеволод опустил взгляд.

— Потому что рано или поздно ты все равно узнаешь.

— И?

— Мы собираемся строить совместную жизнь. Я не хочу, чтобы ты слышала об этом от посторонних.

Я медленно кивнула.

Вот и все.

Он сообщил правду не потому, что больше не мог лгать.

Просто теперь скрывать было неудобно.

— Значит, вы уже все решили.

— Мы обсуждали будущее.

— Пока я не знала даже о ее существовании.

Всеволод подошел ближе.

— Лина, мне очень жаль, что все так получилось.

Я посмотрела ему в глаза.

— А что именно тебе жаль?

Он нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе жаль, что я страдаю? Или что ты семь месяцев меня обманывал?

Он отвел взгляд.

И этого оказалось достаточно.

Я прошла мимо него к двери.

— Тебе пора.

— Мы не закончили разговор.

— Закончили.

— Эвелина, я хочу, чтобы мы остались нормальными людьми.

Я остановилась.

— Нормальными людьми?

— Чтобы не начали мстить друг другу, выяснять отношения при знакомых...

Я повернулась.

— Я пока даже не знаю, как завтра встать с кровати. А ты уже боишься, что я испорчу тебе репутацию?

Он выпрямился.

— Не передергивай мои слова.

Я открыла входную дверь.

— Забирай документы, Сева.

Несколько секунд он стоял неподвижно.

Потом вернулся в кабинет, взял папку и конверт.

В прихожей остановился.

— Я не хотел, чтобы все закончилось таким образом.

Я смотрела на него.

— А каким ты хотел?

Он ничего не ответил.

Обулся, надел пальто, взял сумку.

Когда дверь закрылась, я еще несколько секунд стояла на месте.

Потом вернулась на кухню.

Две чашки.

На дне его чашки оставалось немного чая.

Я взяла ее, хотела вылить содержимое в раковину, но внезапно почувствовала такую злость, что едва удержалась от желания швырнуть чашку в стену.

Не швырнула.

Поставила обратно.

Села на стул.

И заплакала.

Ночью я почти не спала.

То засыпала на несколько минут, то просыпалась с ощущением, что пропустила что-то важное.

Стефания Левицкая.

Имя вертелось в голове.

Я представляла ее лицо, хотя никогда не видела.

Думала о том, как они познакомились. Кто сделал первый шаг. Где они встречались. Что он говорил ей обо мне.

Может быть, жаловался.

Рассказывал, что жена его не понимает.

Что мы давно стали чужими.

Что дома ему скучно.

Меня мучила даже не сама мысль об измене, а невозможность отделить правду от лжи в собственных воспоминаниях.

Я вспоминала наши ужины и пыталась понять, когда он уже встречался с ней.

Вспоминала его поездки и считала дни.

Вспоминала, как он впервые начал задерживаться по вечерам.

Я сама уговаривала его не сидеть дома.

Говорила, что после долгих лет службы он заслужил возможность заниматься тем, что ему интересно.

Теперь эти разговоры казались издевательством.

Около трех ночи я встала, пошла на кухню и выпила воды.

Потом открыла ноутбук.

В поисковой строке набрала:

«Стефания Левицкая Нижний Новгород мероприятия».

Рука дрожала.

Я смотрела на экран и понимала, что делаю нечто неприятное.

Ищу женщину, с которой мне изменял муж.

Еще вчера я была уверена, что никогда не стану заниматься подобным.

Но теперь мне хотелось хотя бы увидеть ее лицо.

Поиск выдал несколько результатов.

Страница агентства, в котором работала Стефания. Афиши городских мероприятий. Интервью о продвижении куль-

турных проектов.

Я открыла фотографию.

Женщина лет тридцати с небольшим. Длинные светлые волосы, выразительные глаза, аккуратный макияж. На ней было темное платье, а на шее — тонкая золотая цепочка.

Она была красивой.

Я посмотрела на нее и ощутила укол неприятной, почти детской зависти.

Не потому, что она была моложе.

А потому, что выглядела счастливой.

На фотографии Стефания улыбалась в камеру, стоя возле какого-то выставочного стенда. Улыбка была легкой, свободной.

Я попыталась представить, как Всеволод смотрел на нее.

Как ждал ее сообщений.

Как выбирал слова, чтобы понравиться.

Меня затошнило.

Я закрыла фотографию.

Потом снова открыла.

На странице агентства было несколько публикаций с ее участием. Она уверенно держалась перед камерой, рассказывала о работе, благодарила партнеров.

Я просмотрела два коротких интервью.

Голос оказался низким, немного хрипловатым.

Мне было противно от того, что я теперь знала этот голос.

Я закрыла ноутбук.

Посидела несколько минут.

Потом снова открыла.

Остановиться оказалось труднее, чем я думала.

Я не хотела узнать что-то конкретное.

Просто надеялась, что если соберу достаточно подробностей, то случившееся наконец станет понятным.

Но каждое новое фото только добавляло вопросов.

В половине четвертого я выключила ноутбук окончательно.

Легла в кровать.

И только под утро уснула.

Семнадцатого февраля я проснулась поздно.

За окном шел мокрый снег.

Телефон показывал несколько сообщений от учеников.

Я ответила на них, потом долго сидела на краю кровати.

Предстояло провести два индивидуальных урока. Оба онлайн.

Мне казалось, что я не смогу.

Но в одиннадцать открыла ноутбук, включила камеру и поздоровалась с учеником.

Он рассказывал о поездке, которую собирался совершить летом.

Я слушала, исправляла ошибки, задавала вопросы.

В какой-то момент он спросил:

— Эвелина, а вы сами любите путешествовать?

Я задумалась.

Раньше отвечала автоматически.

Да, конечно. Мы с мужем часто ездили.

Теперь это «мы» застряло в горле.

— Люблю, — сказала я. — Особенно маленькие города.

Где можно просто гулять и никуда не торопиться.

— А куда бы вы хотели поехать?

Я посмотрела в окно.

Мокрый снег медленно сползал по стеклу.

— Не знаю, — честно ответила я. — Надо подумать.

После занятия я открыла папку клуба.

На следующую неделю нужно было подготовить две новые темы. Я выбрала путешествия и повседневные покупки.

Но мысли возвращались к прошлой ночи.

К светловолосой женщине, которая улыбалась на фотографиях.

Я решила больше не смотреть ее страницы.

Даже сказала это вслух, чтобы услышать собственное решение.

Потом занялась делами.

К трем часам я почти успокоилась.

До следующего занятия оставалось сорок минут. Я сварила кофе, села за стол и открыла новости на телефоне.

В верхней части экрана появилось уведомление о новой публикации Дины.

Она выложила фотографии с субботней встречи.

На одном снимке была я.

В зеленой блузке, с чашкой кофе, улыбающаяся кому-то за кадром.

Я внимательно посмотрела на фотографию.

Выглядела я неожиданно хорошо.

Не счастливо. Скорее живо.

Я сохранила снимок.

Потом вспомнила, как Родион говорил о своей жене.

Она занимается мероприятиями.

Работает с презентациями, культурными проектами.

Мне стало неуютно.

Совпадение было совершенно обычным. В городе наверняка сотни людей, которые организуют мероприятия.

Но мысли уже потянулись одна за другой.

Я вспомнила кольцо на его руке.

Его слова о жене, которая терпеть не может опоздания.

Телефонный разговор в коридоре.

Стефания тоже занималась культурными событиями.

Я открыла поисковую строку.

Набрала ее имя.

На этот раз посмотрела не только фотографии с работы.

У Стефании была открытая личная страница.

Я пролистала несколько недавних публикаций.

Большинство касалось проектов, поездок, встреч с коллегами.

Личных фотографий было мало.

Я уже собиралась закрыть страницу, когда увидела старую публикацию.

Она была датирована прошлым годом.

Под фотографией стояла подпись:

«Сегодня двенадцать лет, как мы поженились. Время идет невероятно быстро».

Я остановилась.

На фотографии Стефания стояла возле мужчины.

Они были на набережной. Лето, солнце, светлая вода за спиной. Мужчина обнимал ее за плечи. Она слегка повернула голову в его сторону.

Я узнала его сразу.

Родион Вельский.

Темные волосы с сединой у висков.

Широкие плечи.

То самое лицо, которое я видела три дня назад на встрече, когда он держал чашку кофе и шутил о старых зданиях.

Я приблизила фотографию.

Не потому, что сомневалась.

Просто мне хотелось убедиться, что я вижу именно то, что вижу.

Под снимком было несколько поздравлений.

Я пролиستала комментарии.

Кто-то написал: «Стефа, какие вы красивые!»

Кто-то пожелал еще много счастливых лет.

А ниже стоял короткий ответ от профиля с именем Роди-

он Вельский.

Я открыла его страницу.

Архитектурное бюро.

Фотографии проектов.

Несколько снимков из поездок.

На одном он стоял возле здания, которое я узнала. «Дом на Липовой».

Я положила телефон на стол.

Сердце стучало так сильно, что мне пришлось прижать ладонь к груди.

Я сидела неподвижно.

Потом снова взяла телефон.

Посмотрела на летнюю фотографию.

Жена Родиона была любовницей моего мужа.

Той самой Стефанией Левицкой, с которой Всеволод встречался семь месяцев.

Я вспомнила, как Родион рассказывал о ней.

Совершенно спокойно.

С легкой улыбкой.

Он говорил, что жена занимается мероприятиями, что у нее сложная работа, что она не любит его опоздания.

Он выглядел человеком, который возвращается домой к жене и считает свой брак обычной частью жизни.

Такой же, какой еще совсем недавно считала свою жизнь я.

Мне стало трудно дышать.

Я поднялась, прошла к окну.

На улице кто-то торопливо шел через двор, прикрывая голову капюшоном.

Все продолжалось.

Машины проезжали мимо дома. Люди возвращались с работы. Кто-то нес пакеты из магазина.

А я стояла и пыталась понять, как такое вообще возможно.

Родион.

Муж Стефании.

Мужчина, который помог мне договориться о расписании.

Который помог повесить доску, складывал стулья и спрашивал, хорошо ли прошло первое занятие.

Он ничего не знал?

Я вспомнила его спокойное лицо.

Его звонок жене.

Разговор о ее работе.

Я не могла представить, что он в курсе.

Но ведь и про Всеволода я была уверена, что знаю его.

Эта мысль заставила меня остановиться.

Я не имела права решать за незнакомого мужчину, что происходит в его семье.

Может быть, они уже расстались.

Может быть, живут отдельно.

Может быть, Стефания действительно рассказала ему правду.

Фотографии были старыми.

Кольцо на его руке ничего окончательно не доказывало.

Я вернулась к столу.

Открыла переписку с Диной.

В ней был номер Родиона. Мы обменялись контактами после встречи восьмого, чтобы он мог присылать технические уточнения по комнате.

Я нашла его имя.

Несколько секунд смотрела на экран.

Потом открыла сообщения.

Последнее было сугубо рабочим:

«Доску закрепили. Пользоваться можно».

Я перечитала эту фразу.

Человек, написавший ее, возможно, даже не подозревал, что жена уже несколько месяцев встречается с другим мужчиной.

Я представила, как он узнает.

От меня.

Почти чужой женщины, с которой познакомился из-за ремонта.

Мне стало страшно.

Я убрала телефон.

Нельзя было просто написать: «Здравствуйте, ваша жена изменяет вам с моим мужем».

Нельзя было и делать вид, что я ничего не узнала.

Я подошла к зеркалу.

Посмотрела на свое лицо.

Под глазами лежали темные тени. Волосы были собраны кое-как. На фотографии с субботней встречи я выглядела совсем иначе.

Мне захотелось снова лечь.

Закрыть глаза и проснуться в той жизни, где я еще ничего этого не знала.

Но через двадцать минут начинался урок.

Я умылась, поправила волосы и села за ноутбук.

Ученик появился вовремя.

Я улыбнулась и поздоровалась.

Мы говорили о предстоящем отпуске, о билетах, гостиницах и том, как попросить в аэропорту поменять место.

Несколько раз мне приходилось просить повторить фразу.

Я извинялась, смотрела в записи, старалась сосредоточиться.

Когда урок закончился, я поняла, что больше не могу откладывать решение.

Я открыла переписку с Родионом.

Написала:

«Добрый вечер. Это Эвелина Зарецкая, из разговорного клуба. Мне нужно поговорить с вами по личному вопросу. Вы могли бы завтра найти немного времени?»

Перечитала.

Слишком сухо.

Но написать иначе я не могла.

Я нажала «Отправить».

Ответ пришел через несколько минут.

«Добрый вечер, Эвелина. Конечно. Что-то случилось в центре?»

Я посмотрела на экран.

Вопрос был таким обычным.

Я набрала:

«Нет. С помещением все хорошо. Разговор касается не работы».

На этот раз он ответил не сразу.

Прошло несколько минут.

Потом появилось сообщение:

«Понял. Завтра буду в центре после двух. Можем встретиться в половине третьего, если вам удобно».

Я закрыла глаза.

Мне хотелось придумать причину отказаться.

Сказать, что вопрос уже решился.

Что я ошиблась.

Что ничего важного нет.

Но фотография Стефании и Родиона продолжала стоять перед глазами.

Я ответила:

«Да, мне удобно. Спасибо».

Потом открыла календарь.

Восемнадцатое февраля.

Половина третьего.

Я внесла встречу и положила телефон экраном вниз.

Несколько минут сидела неподвижно.

Я не знала, что именно скажу Родиону.

Не знала, как он отреагирует.

Даже не была уверена, что у меня получится произнести вслух то, что я узнала.

Но одно я понимала совершенно точно.

Когда Всеволод обманывал меня, я не могла ничего изменить, потому что не знала правды.

Теперь правда оказалась у меня в руках.

И завтра мне предстояло решить, как с ней поступить.

Глава 3. Нас было четверо

Восемнадцатого февраля я трижды переоделась перед встречей с Родионом.

Сначала надела серое платье, в котором обычно проводила занятия. Потом решила, что оно слишком строгое. Переоделась в брюки и светлую блузку, но увидела в зеркале, что выгляжу так, словно собираюсь на собеседование.

В конце концов вернулась к джинсам и темно-синему свитеру.

Мне предстояло сообщить почти незнакомому мужчине, что его жена семь месяцев встречается с моим мужем. И я почему-то думала о том, в чем пойду.

За завтраком я испортила омлет.

Разбила два яйца, поставила сковороду на плиту, а сама открыла телефон и снова посмотрела фотографию Стефании с Родионом. Когда вспомнила про еду, снизу уже образовалась темная корка.

Я выключила плиту и выбросила омлет.

Потом села за стол, положила перед собой блокнот и записала все, что знала наверняка.

Всеволод объявил о разводе четвертого февраля.

Пятого забрал вещи.

Шестнадцатого признался, что семь месяцев встречается со Стефанией Левицкой.

Семнадцатого я нашла ее страницу и фотографию с мужем.

Это были факты.

Все остальное оставалось предположениями.

Я не знала, что Стефания рассказывала Родиону. Не знала, когда они последний раз говорили о своем браке. Возможно, уже несколько месяцев жили как чужие люди. Возможно, он собирался разводиться и просто не считал нужным упоминать об этой женщине, с которой познакомился на работе.

Я закрыла блокнот.

Вчера мне казалось, что я должна немедленно все ему рассказать. Сегодня хотелось отменить встречу и больше никогда не возвращаться к этой истории.

Но я представила, как Родион приходит домой и спрашивает жену, как прошел день. Как она отвечает, что устала, целует его в щеку и садится ужинать.

Может быть, ничего подобного между ними давно не было.

Я все равно не могла оставаться в стороне, когда знала то, чего, возможно, не знал он.

В час дня я вышла из дома.

До встречи оставалось полтора часа. Я могла спокойно добраться до центра, выпить кофе и немного посидеть в комнате.

Но по дороге попала в пробку.

Машины ползли по мокрой дороге, водитель впереди постоянно дергался с места, а я смотрела на часы и представляла, как Родион ждет меня возле двери.

В половине третьего я вошла в «Дом на Липовой» почти бегом.

Он стоял у лестницы с телефоном в руке.

Увидев меня, убрал телефон в карман.

— Добрый день, Эвелина.

— Здравствуйте. Простите, на дороге было ужасно.

— Вы вовремя.

Я посмотрела на часы.

Четырнадцать двадцать восемь.

— Все равно пришлось торопиться.

— Пройдем наверх?

Я кивнула.

Мы поднялись на второй этаж.

В коридоре пахло краской и мокрой штукатуркой. Из соседнего помещения доносились голоса рабочих. Родион открыл дверь небольшой комнаты, которую раньше использовали для совещаний.

Там стояли круглый стол, четыре стула и шкаф с папками.

— Здесь никто не помешает, — сказал он.

Я вошла.

Он закрыл дверь, но не сел сразу.

— Что случилось, Эвелина?

Я посмотрела на его лицо.

Он выглядел немного встревоженным, но в голосе не было раздражения.

Вчера я несколько раз представляла этот разговор. Думала, что начну с объяснения, почему вообще стала искать информацию о Стефании. Потом скажу о разводе. И только после этого назову имя.

Теперь все подготовленные фразы исчезли.

— Можно сначала спросить вас кое о чем?

— Конечно.

Я села на край стула.

— Вы женаты на Стефании Левицкой?

Родион неподвижно посмотрел на меня.

— Да.

— И вы сейчас состоите в браке? То есть вы не развелись?

Он нахмурился.

— Нет. Мы не разводились.

Я почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Вы живете вместе?

— Да.

Он отодвинул стул и сел напротив.

— Эвелина, объясните, пожалуйста, к чему эти вопросы.

Я сложила руки на коленях.

— Мой муж — Всеволод Корсаков. Генерал-майор в отставке. Возможно, вы слышали его фамилию.

Родион чуть прищурился.

— Корсаков?

— Да.

Он помолчал.

— Стефания работала с ним на нескольких мероприятиях. Кажется, я даже видел его однажды. Что произошло?

Я посмотрела на свои руки.

Пальцы были сцеплены так крепко, что побелели костяшки.

— Четвертого февраля Всеволод объявил, что хочет развестись. А шестнадцатого признался, что у него отношения со Стефанией. Они встречаются с прошлого июля. Он собирается жить с ней.

Тишина наступила мгновенно.

Где-то за стеной скрипнула дверь.

Родион не пошевелился.

Я подняла глаза.

Он смотрел на меня, словно пытался расслышать сказанное еще раз.

— Что?

Я сглотнула.

— Всеволод сказал, что семь месяцев встречается с вашей женой.

Родион медленно выпрямился.

— Подождите.

Я замолчала.

Он провел ладонью по лицу.

— Вы хотите сказать, что ваш муж...

Он не договорил.

— Да.

Несколько секунд Родион смотрел на стол.

Потом поднял глаза.

— Он сам вам это сказал?

— Сам.

— Когда?

— Позавчера.

— И назвал Стефанию?

— Да. Полное имя и фамилию. Сказал, что они познакомились прошлым летом, когда она помогала организовывать какое-то мероприятие.

Родион отвернулся к окну.

Я видела, как напряглась его челюсть.

— А вы уверены, что речь именно о моей жене?

— Вчера я нашла ее страницу. Там была фотография с вами. Поэтому и попросила о встрече.

Он посмотрел на меня.

— Можно увидеть?

Я открыла снимок и протянула Родиону телефон.

Родион взял телефон.

На фотографии он обнимал Стефанию за плечи. Она улыбалась в камеру, он смотрел немного в сторону.

Я заметила, как он провел большим пальцем по краю экрана.

— Это мы, — сказал он.

Он вернул телефон.

— Я не понимаю.

Я не знала, что ответить.

Он встал, прошел к окну и остановился спиной ко мне.

— Вы говорите, что Корсаков признался вам в отношениях с моей женой?

— Да.

— И что они собираются жить вместе?

Я почувствовала, как во рту пересохло.

— Он сказал именно так. Что собирается строить с ней совместную жизнь.

Родион медленно обернулся.

— А вы с мужем сейчас живете вместе?

— Нет. Пятого февраля он забрал вещи.

— А до этого?

— До этого мы жили как обычная семья. По крайней мере, я так считала.

Родион опустил взгляд.

Я видела, что он пытается собраться.

Его лицо почти не изменилось, но движения стали резкими. Он отодвинул стул, хотя тот никому не мешал, потом положил телефон на стол и тут же взял обратно.

— У вас есть какие-нибудь доказательства? — спросил он.

Я ожидала этого вопроса.

И все равно почувствовала укол.

— Кроме признания мужа — нет. Я не записывала наш разговор. Не искала переписку и не проверяла его телефон.

— Понимаю.

— Я не прошу вас верить мне на слово, Родион. Просто считаю, что вы должны знать, что мне сказал Всеволод.

Он посмотрел на меня.

— А почему вы решили рассказать именно мне?

Вопрос прозвучал грубее, чем остальные.

Я почувствовала, как щеки начали гореть.

— Потому что вы ее муж.

— Вы понимаете, что сейчас утверждаете?

— Понимаю.

— Вы понимаете, что если ваш муж солгал...

— Тогда вы поговорите со Стефанией, и она скажет, что ничего подобного не было.

Он замолчал.

Я сделала вдох.

— Послушайте. Мне очень неприятно все это рассказывать. Я не собиралась вмешиваться в ваш брак. До вчерашнего дня я даже не знала, как зовут вашу жену.

Родион сел.

— Извините.

Я подняла глаза.

— За что?

— Я не должен был разговаривать с вами таким тоном.

Я молчала.

Он потер переносицу.

— Просто... Я не ожидал ничего подобного.

— Я тоже.

Родион посмотрел на меня.

И впервые за весь разговор в его взгляде появилось что-то другое.

Не недоверие.

Не раздражение.

Он словно наконец заметил, что я тоже сижу здесь не из любопытства.

— Ваш муж объявил о разводе четвертого февраля? — спросил он.

— Да.

— А об отношениях со Стефанией рассказал только шестнадцатого?

— Сначала отрицал, что у него вообще кто-то есть.

Родион коротко выдохнул.

— Понятно.

Потом опять посмотрел на окно.

Я не знала, стоит ли уходить.

Сказать больше было нечего.

— Родион...

Он повернулся.

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Вернее, не совсем. У нас разные обстоятельства. Но я знаю, как тяжело услышать такое о человеке, которому доверяешь.

Он провел рукой по волосам.

— Мы со Стефанией женаты много лет.

— Я видела публикацию о вашей годовщине.

Он поморщился.

— Да.

Несколько секунд мы молчали.

Потом Родион спросил:

— Вы кому-нибудь еще об этом говорили?

— Нет. Только вам. Дочь знает, что мы разводимся, но подробностей я пока не рассказывала.

Он кивнул.

— Спасибо.

Я не сразу поняла, за что он благодарит.

— За то, что не стали обсуждать это с посторонними, — пояснил он.

Я опустила глаза.

— Не думаю, что мне хотелось бы самой оказаться темой чужих разговоров.

Родион посмотрел на часы.

Потом на телефон.

— Мне нужно поговорить с женой.

— Конечно.

Он встал.

Я тоже поднялась.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга.

Мне хотелось сказать что-нибудь поддерживающее, но ни

одна фраза не казалась подходящей.

«Все будет хорошо» прозвучало бы издевательством.

«Держитесь» — слишком официально.

«Мне жаль» — недостаточно.

Я просто сказала:

— Если у вас появятся вопросы ко мне, можете написать.

Он кивнул.

— Хорошо.

Я направилась к двери.

Когда взялась за ручку, Родион произнес:

— Эвелина.

Я обернулась.

Он смотрел на меня очень серьезно.

— Вы ведь понимаете, что я должен услышать ее версию?

— Конечно.

— Я не могу принять такое решение только на основании слов человека, которого знаю две недели.

Мне стало больно, хотя он был прав.

— Я бы на вашем месте тоже хотела поговорить с супругом.

Родион кивнул.

— Спасибо, что пришли.

Я вышла в коридор.

За дверью соседнего помещения кто-то громко засмеялся.

Я вздрогнула.

Несколько секунд стояла возле стены, пытаюсь собраться.

Затем медленно пошла к лестнице.

На улице я поняла, что забыла застегнуть пальто.

Ветер пробирался под свитер, но мне было все равно.

Я дошла до машины, села за руль и закрыла дверь.

Руки дрожали.

Я положила их на колени и несколько минут просто сидела.

Перед глазами стояло лицо Родиона.

Он не кричал.

Не обвинял меня.

Даже не пытался защищать Стефанию, хотя имел на это полное право.

Но я видела, как менялось выражение его глаз, пока он слушал.

Мне хотелось вернуться и извиниться.

За то, что принесла плохую новость.

За то, что вмешалась.

За то, что теперь он тоже будет вспоминать прошедшее лето и думать, когда именно его жена начала лгать.

Я завела двигатель.

Дома первым делом открыла окно на кухне.

Воздух был ледяным, но мне хотелось избавиться от запаха квартиры.

От запаха нашего прошлого.

В холодильнике оставался пирог с курицей, который я ис-

пекла несколько дней назад. Я отрезала кусок, разогрела, поставила на стол.

Есть не хотелось.

Я достала телефон.

Сообщений от Родиона не было.

И правильно.

Он не должен был отчитываться передо мной о разговоре с женой.

Я положила телефон подальше.

Потом все равно взяла обратно.

В открытой переписке осталось мое вчерашнее сообщение.

«Мне нужно поговорить с вами по личному вопросу».

Я прочитала его и почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

Сегодня утром я еще могла представить, что все ошибочно. Что существует другая Стефания Левицкая, что фотографии не имеют значения, что мой муж перепутал фамилию.

Теперь Родион подтвердил: Стефания — его жена.

А значит, все четверо оказались связаны одной историей.

Я раньше думала, что измена касается двух людей: того, кто предал, и того, кого предали.

Теперь понимала, насколько ошибалась.

Здесь было четверо взрослых людей.

И двое из них успели принять решения за остальных.

Телефон зазвонил.

Я резко схватила его.

На экране появилось имя Ники.

— Привет, мам!

Я закрыла глаза.

— Привет, солнышко.

— Ты занята?

— Нет. Что случилось?

— Ничего. Хотела спросить, ты не знаешь, где у меня лежит свидетельство о рождении? Мне нужно для документов.

Я посмотрела в сторону кабинета.

— В папке с твоими бумагами. В верхнем ящике комода. Помнишь, я складывала туда все после поступления?

— А, точно. Я думала, что забрала.

— Нет, оригинал остался дома.

— Можешь потом сфотографировать?

— Конечно.

Ника что-то сказала соседке, потом снова вернулась к разговору.

— Мам, а ты как?

Я сжала телефон.

— Нормально.

— У тебя голос странный.

— Устала.

— Из-за клуба?

Я посмотрела на нетронутый пирог.

— Не только.

Дочь замолчала.

— Папа опять что-нибудь сказал?

Я закрыла глаза.

Мне хотелось рассказать ей все.

Что у отца семь месяцев есть другая женщина.

Что эта женщина замужем.

Что я сегодня сообщила ее мужу о происходящем.

Но Ника не должна была становиться человеком, которому я вываливаю всю боль только потому, что она моя дочь.

— Мы еще будем обсуждать развод, — сказала я. — Сейчас просто непростой период.

— Ты все время так говоришь.

— Как?

— Что все нормально, что просто непросто, что ты справишься. А потом я слышу, как ты почти плачешь.

Я села ровнее.

— Ник, я действительно стараюсь справляться.

— Я знаю. Только не надо делать вид, что ты железная.

Мне стало стыдно.

— Хорошо.

— Я могу приехать на выходных.

— Давай сначала решим, что у тебя с учебой.

— Мам!

Я невольно улыбнулась.

— Что?

— Ты опять.

Я посмотрела на свои руки.

— Да. Прости.

Ника вздохнула.

— Я просто хочу тебя увидеть.

— Я тоже.

Мы договорились созвониться вечером и обсудить поездку.

После разговора я отправила ей фотографию документа, который нашла в комоде.

Потом вернулась на кухню.

Пирог остыл.

Я отрезала маленький кусок и заставила себя съесть.

Утром девятнадцатого февраля Родион написал первым.

Сообщение пришло в девять пятнадцать.

«Доброе утро, Эвелина. Я поговорил со Стефанией. Если вам удобно, хотел бы встретиться еще раз».

Я прочитала его трижды.

Потом ответила:

«Доброе утро. Сегодня веду группу до восьми. Могу после занятия».

Родион написал почти сразу:

«Хорошо. В кафе через дорогу от центра, в половине девятого?»

Я согласилась.

Весь день до занятия я пыталась угадать, что он скажет.

Возможно, Стефания все отрицала.

Возможно, Всеволод солгал о сроках.

Возможно, Родион обвинит меня в том, что я вмешалась в чужой брак.

Я подготовила учебные материалы, проверила сообщения учеников, распечатала несколько новых карточек.

Работа помогала только тогда, когда требовала полного внимания.

Стоило мне остановиться, как мысли возвращались к встрече.

В половине шестого я приехала в центр.

Дина сидела за стойкой и разговаривала по телефону.

Увидев меня, махнула рукой.

Я поднялась наверх.

В комнате было тепло. Доска висела ровно, шкаф стоял возле стены. Я разложила карточки и включила чайник.

Через несколько минут пришел Глеб.

Он выглядел необычно довольным.

— Эвелина, я вчера говорил по-английски!

Я улыбнулась.

— Где?

— В магазине.

— Правда?

— Ну... не совсем в магазине. В приложении доставки. Там был чат с поддержкой, и мне ответил какой-то сотрудник на английском.

— И вы справились?

— Я написал три предложения. Потом еще два. Без перерыва.

Он достал телефон и показал переписку.

Я прочитала.

Ошибки были.

Но смысл понятен.

— Отлично, — сказала я.

Глеб просиял.

— Я потом полвечера ходил довольный.

Мне вдруг стало так тепло, что я едва не расплакалась.

Не из-за самого английского.

Просто рядом со мной стоял взрослый мужчина, который радовался пяти предложениям.

И эта радость не имела никакого отношения ни к Всеволоду, ни к Стефании, ни к чужим разрушенным бракам.

Я была здесь нужна.

Не как жена генерала.

Не как обманутая женщина.

А как преподаватель.

Когда собралась вся группа, я начала занятие.

Мы обсуждали поездки, учились объяснять маршрут и спрашивать дорогу.

Марат перепутал слова «направо» и «налево» и отправил Ингу в противоположный конец воображаемого города.

Все смеялись.

Я тоже.

Постепенно напряжение отпустило.

К восьми вечера я почти забыла о предстоящем разговоре.

Потом ученики начали расходиться, и сердце снова заби-
лось быстрее.

Я убрала материалы, закрыла шкаф и вышла в коридор.

На лестнице никого не было.

Родион ждал не в центре, а в кафе, как мы договарива-
лись.

Я перешла дорогу.

Внутри пахло кофе и свежей выпечкой.

Он сидел возле окна.

Перед ним стояла чашка черного кофе, к которой он, судя
по всему, почти не притронулся.

Когда я подошла, Родион встал.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте.

Он отодвинул стул.

Я села.

— Хотите что-нибудь? — спросил он.

— Чай. Лучше мятный.

Родион подозвал официантку.

Я заказала чай и небольшой кусок лимонного пирога.

Мне было неудобно есть при нем, но за день я почти ни-
чего не успела.

Когда официантка ушла, мы замолчали.

Родион смотрел на свои руки.

Сегодня он выглядел хуже, чем вчера. Под глазами появились тени. На подбородке была легкая щетина, хотя раньше он всегда казался идеально выбритым.

— Я поговорил с женой, — наконец сказал он.

Я кивнула.

Он поднял глаза.

— Вы сказали правду.

Я опустила взгляд.

Почему-то мне стало не легче, а больнее.

До последнего момента оставалась крошечная надежда, что произошла ошибка.

Теперь ее не было.

— Стефания призналась? — спросила я.

— Да.

Родион взял чашку, сделал глоток холодного кофе.

— Не сразу. Сначала спрашивала, откуда я узнал. Потом сказала, что все не так, как выглядит.

Я сжала руки под столом.

Эта фраза была мне слишком знакома.

— А потом?

— Потом я назвал фамилию Корсакова. Она замолчала.

Он посмотрел в окно.

За стеклом проходили люди. Молодая пара остановилась возле витрины соседнего магазина. Девушка что-то показывала мужчине на телефоне, он смеялся.

Родион проследил за ними взглядом.

— Семь месяцев, — сказал он. — С июля.

Я кивнула.

— Всеволод сказал то же самое.

— Она утверждает, что ваш муж давно собирался разводиться.

Я подняла глаза.

— Возможно, собирался. Мне он об этом сообщил четвертого февраля.

Родион посмотрел на меня.

— Стефания сказала, что вы давно живете отдельно.

Я почувствовала, как пальцы похолодели.

— Что?

— Она утверждала, что Корсаковы фактически расстались еще до начала их отношений. Что вы все знаете. Просто официальный развод откладывается из-за семьи и имущества.

Я медленно откинулась на спинку стула.

— Значит, вот что она ему рассказала.

Родион внимательно смотрел на меня.

Я достала телефон.

— У нас есть дочь. Ей девятнадцать. Она учится в другом городе. До пятого февраля Всеволод жил со мной. Мы спали в одной спальне, вместе отмечали праздники. В сентябре у нас была годовщина свадьбы.

Голос дрогнул.

Я сделала вдох.

— Он подарил мне серьги. Мы ходили в ресторан.

Родион отвел глаза.

Мне стало неловко.

Не хотелось рассказывать чужому мужчине о подробностях брака, которые еще недавно казались личными.

Но он должен был понимать, что Стефания не просто ошиблась в датах.

— Я не прошу вас ничего доказывать, — сказал Родион.

Я посмотрела на него.

— Вы уверены?

Он медленно кивнул.

— Да. После вчерашнего разговора со Стефанией я уже не думаю, что вы что-то придумали.

Официантка принесла чай и пирог.

Я поблагодарила ее.

Пока она расставляла посуду, Родион молчал.

Когда мы снова остались вдвоем, он спросил:

— Ваш муж всегда говорил вам, где проводит вечера?

Я задумалась.

— Обычно да. После отставки у него стало много встреч. Старые коллеги, общественные проекты, мероприятия. Я не проверяла.

— Стефания тоже часто задерживалась.

Я посмотрела на него.

— Вы подозревали?

Он усмехнулся без радости.

— Нет. В этом самое неприятное.

Я промолчала.

Родион отодвинул чашку.

— Мы давно стали меньше времени проводить вместе.

У меня работа, у нее мероприятия. Иногда виделись только поздно вечером. Я понимал, что отношения изменились, но не думал, что она встречается с другим.

Он потер ладонью затылок.

— В августе мы ездили на выходные к друзьям. Она весь вечер переписывалась по телефону. Сказала, что возникла проблема с подрядчиком.

Я вспомнила собственные вечера.

Всеволод иногда уходил отвечать на звонки в кабинет.

Я считала, что ему неудобно говорить при мне.

Родион посмотрел на меня.

— Вы сейчас тоже вспоминаете?

Я подняла глаза.

— Да.

Он кивнул.

— Я со вчерашнего вечера только этим и занимаюсь.

Мы замолчали.

Я взяла вилку и отломилла маленький кусочек пирога.

Лимонная начинка оказалась кислой. Мне понравилось.

— Простите, — сказала я. — Я весь день почти не ела.

Родион посмотрел на тарелку.

— Ешьте спокойно.

Я улыбнулась.

— Спасибо за разрешение.

Он чуть приподнял уголок рта.

— Неудачно выразился.

— Ничего страшного.

Я отрезала еще кусочек.

Родион некоторое время смотрел в окно.

Потом сказал:

— Знаете, что меня больше всего разозлило?

Я подняла голову.

— Что?

— Она пыталась объяснить, что не хотела никого обидеть.

Говорила, что все давно шло к расставанию.

Я опустила вилку.

— Всеволод сказал почти то же самое.

— И еще, что я слишком много работал.

Мне стало неприятно.

— А он мне сказал, что между нами давно не было прежней близости.

Родион коротко засмеялся.

Совсем без веселья.

— Удивительно похоже.

Я посмотрела на него.

— Наверное, удобно.

— Что?

— Когда можно объяснить измену недостатками человека, которому изменяешь.

Он задумался.

— Наверное.

Потом вдруг спросил:

— А вы знаете, почему ваш муж решил рассказать именно сейчас?

— Они собираются жить вместе. Он не хотел, чтобы я услышала об этом от посторонних.

Родион медленно кивнул.

— Стефания сказала, что Всеволод уже снял квартиру. И что скоро они смогут жить открыто.

Я положила вилку.

— Значит, все было подготовлено.

Он смотрел на меня.

— Похоже.

У меня снова защипало глаза.

Я отвернулась к окну.

Мне не хотелось плакать при Родионе.

Я уже достаточно рассказала ему о себе.

Он не пытался меня утешать. Не протянул руку через стол, не стал говорить, что я прекрасная женщина и муж меня не заслуживает.

Просто подождал.

За это я была ему благодарна.

Когда смогла говорить, спросила:

— Вы что теперь будете делать?

Родион посмотрел на чашку.

— Разводиться.

Он произнес это спокойно.

Я удивилась.

— Вы уже решили?

— Да.

— А если она попросит прощения?

Он поднял глаза.

— Она уже просила.

Я замолчала.

— Эвелина, я не знаю, что будет через месяц или через год, — продолжил он. — Но жить с человеком, который семь месяцев строил за моей спиной другую жизнь, я не смогу.

Я медленно кивнула.

Его слова прозвучали жестко.

Но в них не было желания наказать жену.

Он просто обозначил собственное решение.

— А вы? — спросил Родион.

Я посмотрела на него.

— Что я?

— Вы собираетесь разводиться?

— Да.

Ответ вышел почти без колебаний.

Я сама удивилась.

Родион кивнул.

— Тогда у нас одинаковые планы.

Я посмотрела на него.

Он понял, как это прозвучало, и чуть поморщился.

— Неудачная шутка.

— Нет, — сказала я. — Просто странная.

Мы впервые за вечер улыбнулись друг другу.

Когда официантка принесла счет, я достала кошелек.

Родион посмотрел на меня.

— Я могу оплатить.

— Спасибо, не нужно.

Он кивнул и не стал спорить.

Мы вышли из кафе вместе.

На улице уже почти не было людей. Возле входа в магазин дворник счищал снег с крыльца. Откуда-то тянуло свежим хлебом.

Я застегнула пальто.

— Родион, можно вас попросить?

Он повернулся.

— Конечно.

— Давайте не будем обсуждать это с работниками центра.

— Я не собирался.

— Просто... Мне очень не хочется, чтобы клуб превратился в место, где все будут смотреть на меня с сочувствием.

Он кивнул.

— Понимаю.

Я посмотрела на дорогу.

— И еще. Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя обязанным рассказывать мне, что происходит у вас дома.

Родион немного нахмурился.

— Почему?

— Потому что мы познакомились по работе. И я не хочу, чтобы теперь при каждой встрече мы вспоминали только наших супругов.

Он помолчал.

— Согласен.

Я почувствовала облегчение.

— Спасибо.

— Мне тоже не хотелось бы приходить в центр только ради разговоров о Стефании.

Мы постояли несколько секунд.

Потом он спросил:

— У вас завтра занятия?

— Вечером группа. Днем индивидуальные уроки.

— А в центре все нормально? Ничего не мешает?

Я улыбнулась.

— Все хорошо. Только один стул немного скрипит.

Родион посмотрел на меня.

— Вы же понимаете, что это серьезный вопрос?

Я рассмеялась.

— Очень.

— Завтра посмотрю.

— Не обязательно. Он просто скрипит.

— Теперь мне нужно знать, почему.

Я покачала головой.

— Вы неисправимы.

Он чуть улыбнулся.

— Возможно.

Я пошла к машине.

Уже возле дверцы обернулась.

Родион стоял на тротуаре, убирая руки в карманы пальто.

— Доброй ночи, Эвелина.

— Доброй ночи.

Я села за руль.

В зеркале видела, как он медленно пошел в противоположную сторону.

Я не знала, куда он возвращается.

В квартиру, где его ждет жена?

Или в дом, в котором уже не осталось прежней семьи?

Мне стало жаль его.

Но на этот раз я не почувствовала необходимости срочно что-то исправлять.

Ни его жизнь.

Ни свою.

Двадцатого февраля я проснулась с неожиданной мыслью.

Я больше не была единственным человеком, который знал правду о Всеволоде и Стефании.

Это не приносило радости.

Но избавляло от мучительного ощущения, будто мне одной придется хранить их тайну.

Я сварила кофе, открыла ноутбук и записала несколько вопросов для консультации с юристом.

Потом позвонила Дине.

— Привет. У тебя есть знакомый специалист по семейным делам?

Она помолчала.

— Есть. Адвокат Марта Резникова. Хорошая, только дороговатая.

— Мне нужна консультация.

— Дам номер. Скажи, что от меня.

— Спасибо.

Дина немного помолчала.

— Эвелина, ты как?

Я посмотрела на список вопросов.

— Лучше, чем несколько дней назад.

— Это уже что-то.

— Да.

Я хотела рассказать ей про Стефанию, но передумала.

Дина знала меня много лет. Она наверняка стала бы переживать, возмущаться, предлагать помощь.

И это было бы приятно.

Но сейчас мне хотелось сначала самой разобраться в произошедшем.

— Завтра я свободна до обеда, — сказала она. — Можем выпить кофе.

— Давай на следующей неделе. Мне нужно кое-что закончить.

— Договорились.

После разговора она прислала номер адвоката.

Я записалась на понедельник.

Потом проверила банковские счета, распечатала документы на квартиру и собрала папку.

Каждое действие давалось с усилием.

Раньше я могла спокойно составить учебную программу на несколько месяцев вперед, но стоило мне столкнуться с семейными документами, как начинала сомневаться в каждой строчке.

Я не знала, какие бумаги понадобятся.

Не знала, как делить накопления.

Не знала, стоит ли оставаться в квартире, которая еще недавно была нашим общим домом.

Но у меня появилась встреча с человеком, который мог помочь разобраться хотя бы с частью вопросов.

На следующий день позвонила Ника.

Она сообщила, что не сможет приехать на выходных.

— У нас преподаватель перенес защиту проекта. Я уже хотела билет покупать.

— Ничего страшного.

— Мам, не начинай. Я знаю, что тебе хотелось меня уви-

дочь.

Я улыбнулась.

— Хотелось.

— Тогда я приеду на следующей неделе.

Мы немного поговорили об учебе.

Потом Ника спросила:

— Папа сказал, что у него есть другая женщина. Это правда?

Я замерла.

— Да.

На другом конце провода стало тихо.

— Давно? — спросила дочь.

Я закрыла глаза.

Мне хотелось защитить ее от подробностей.

Но она прямо спросила.

— Он сказал, что отношения начались прошлым летом.

Ника выдохнула.

— Серьезно?

— Да.

— То есть когда мы ездили за город?

— Похоже.

Она несколько секунд молчала.

Потом произнесла:

— Какой же он...

И не закончила.

Я не стала подсказывать слово.

— Мам, а ты знала?

— Нет. Узнала шестнадцатого.

— Он тебе сначала соврал?

Я посмотрела на окно.

— Да. Когда объявил о разводе, сказал, что другой женщины нет.

Ника тяжело вздохнула.

— Я не понимаю, зачем он вообще так поступил.

— Я тоже не все понимаю.

— Он мне вчера говорил, что вы оба давно несчастливы.

Я сжала телефон.

— Ты знаешь, как я к этому отношусь.

— Знаю.

Пауза.

— Мам, а ты его еще любишь?

Я не ожидала вопроса.

Посмотрела на кухонный стол, на стул напротив.

— Наверное, часть меня еще любит того человека, с которым я прожила столько лет.

Ника молчала.

— Но я не хочу продолжать наш брак, — добавила я.

— Даже если он попросит вернуться?

Я задумалась.

— Даже тогда.

Дочь тихо сказала:

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что я боялась, что ты начнешь во всем винить себя.

У меня защипало глаза.

Я отвернулась от окна.

— Ник, я не хочу, чтобы ты чувствовала, будто должна меня спасать.

— Я и не собиралась.

— Правда?

Она вздохнула.

— Мам, я тебя люблю. Но у меня тоже своя жизнь. Я могу поддерживать тебя и одновременно злиться на папу. Только, пожалуйста, не просите меня передавать друг другу сообщения.

— Не будем.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мы поговорили еще немного.

Когда разговор закончился, я села за стол.

Впервые за несколько дней мне захотелось не плакать, а что-нибудь сделать.

Я достала папку клуба.

Нужно было подготовить материалы к следующей неделе.

И я занялась работой.

В понедельник, двадцать третьего февраля, я приехала к

адвокату.

Кабинет Марты Резниковой находился в небольшом офисном здании. В приемной стояли два кресла, кулер с водой и высокий фикус, который явно пережил несколько переездов.

Секретарь предложила мне чай.

Я отказалась.

Через несколько минут открылась дверь кабинета.

— Эвелина?

Передо мной стояла женщина лет сорока пяти, невысокая, с короткими темными волосами.

— Проходите.

Она пожала мне руку, указала на стул.

— Дина сказала, что вам нужна консультация по разводу.

Я кивнула.

— Да.

Марта открыла блокнот.

— Рассказывайте.

Я начала с того, что мы с Всеволодом прожили вместе восемнадцать лет.

Потом объяснила, что квартира приобреталась в браке, что у нас есть общие накопления и что муж уже живет отдельно.

Об измене сказала коротко.

Марта не стала задавать лишних вопросов.

Она уточняла даты, просила показать документы, записы-

вала суммы и обстоятельства покупки квартиры.

Иногда мне приходилось заглядывать в папку.

Иногда я честно отвечала, что не знаю.

— Ничего страшного, — сказала она. — Для этого мы и встречаемся. Сначала соберем полную картину.

Я посмотрела на список бумаг.

— Мне кажется, я должна была во всем этом разбираться раньше.

Марта подняла голову.

— Почему?

— Потому что это наша квартира. Наши деньги. А я даже не знаю, где находятся некоторые выписки.

Она пожала плечами.

— Многие супруги распределяют обязанности. Один занимается документами, другой — чем-то еще. Важно сейчас получить необходимые сведения и не подписывать ничего, что вы не понимаете.

Я медленно кивнула.

Мы обсудили несколько вариантов.

Продажа квартиры и раздел денег.

Возможность договориться о выплате доли одному из супругов.

Временные расходы на жилье.

Марта объяснила, какие документы потребуется проверить, прежде чем принимать решения.

— Ваш супруг предлагает вам пока оставаться в кварти-

ре? — спросила она.

— Да. Но говорит об этом так, будто разрешает мне жить у него.

Марта посмотрела на договор.

— Тогда лучше перейти от устных обещаний к понятным договоренностям. И отдельно решить вопрос с продажей или другим способом раздела. Пока я не изучу все документы, окончательных выводов делать не станем.

Я почувствовала облегчение.

Не потому, что проблема исчезла.

Просто теперь у нее появились конкретные шаги.

Перед уходом я спросила:

— А если он начнет давить? У него много знакомых. Он генерал-майор в отставке.

Марта посмотрела на меня.

— Его звание не заменяет документы и не дает ему особых прав на ваше имущество. Если возникнут спорные вопросы, будем решать их в установленном порядке. Главное — не подписывайте соглашения в спешке.

Я кивнула.

Потом спросила о стоимости дальнейшей работы.

Марта назвала сумму.

Я мысленно сравнила ее с оплатой нескольких индивидуальных занятий.

Было дорого.

Но впервые за долгое время я не стала думать, одобрил

бы Всеволод этот расход.

Это были мои деньги.

И мне нужна была помощь.

Я оплатила консультацию, получила список документов и вышла на улицу.

На крыльце остановилась.

Ветер был холодным, но солнце неожиданно ярко освещало мокрый асфальт.

Я достала телефон.

Открыла переписку с мужем.

Написала:

«Сева, я получила консультацию по разделу имущества. Нам нужно собрать документы по квартире и общим накоплениям. Предлагаю обсудить продажу квартиры либо другой способ раздела с конкретными сроками. Я пришлю список документов».

Перечитала.

Раньше я непременно добавила бы что-нибудь вроде «надеюсь, ты не обидишься» или «понимаю, что у тебя много дел».

Теперь не добавила.

Отправила сообщение.

Ответ пришел через несколько минут.

«Не понимаю, зачем ты сразу подключаешь адвокатов. Мы могли договориться сами».

Я посмотрела на экран.

Потом написала:

«Мы и будем договариваться. Просто я хочу понимать условия».

Он не ответил.

Я убрала телефон.

На следующий день Всеволод позвонил сам.

Я как раз раскладывала покупки по шкафам.

Телефон лежал на кухонном столе, экраном вверх.

Увидев его имя, я вытерла руки и ответила.

— Да, Сева.

— Лина, нам нужно поговорить.

Я посмотрела на часы.

— Сейчас могу минут десять.

— Мне сказали, что ты встречалась с мужем Стефании.

Я замерла.

Вот оно.

Я ждала этого разговора.

Но почему-то все равно почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Да, — ответила я.

— Зачем?

— Потому что он не знал о ваших отношениях.

Всеволод шумно выдохнул.

— Откуда ты вообще его знаешь?

— Он работает архитектором в здании, где я арендую

комнату.

— Очень удобно получилось.

Я не сразу поняла, что именно он имеет в виду.

— Что?

— Ты хочешь сказать, что случайно познакомилась с мужем Стефании?

— Именно.

Он помолчал.

— И давно вы знакомы?

— С шестого февраля.

— Еще до того, как я рассказал тебе о ней?

Я почувствовала злость.

— Да. Я познакомилась с ним шестого февраля. Ты признался в измене шестнадцатого. Ее фотографию с Родионом я нашла семнадцатого. Восемнадцатого мы поговорили.

Всеволод молчал.

— Что еще ты хочешь уточнить? — спросила я.

— Как ты вообще могла полезть в их отношения?

Я не поверила своим ушам.

— Сева, ты семь месяцев встречался с замужней женщиной.

— Это наше личное дело.

— Оно перестало быть только вашим личным делом, когда вы начали обманывать супругов.

Он резко выдохнул.

— Ты совершенно не представляешь, что происходит у

них в семье.

— И не собираюсь выяснять. Я рассказала Родиону то, что знаю о своем браке.

— Стефания теперь в ужасном состоянии.

Я посмотрела на потолок.

— Правда?

— Она не ожидала, что все произойдет таким образом.

Я закрыла глаза.

Несколько секунд пыталась сдержаться.

Не получилось.

— А я, по-твоему, ожидала?

Всеволод замолчал.

— Я тоже не ожидала, Сева. Представляешь? Восемнадцать лет брака. И вдруг оказывается, что мой муж уже семь месяцев живет двойной жизнью.

— Лина...

— И теперь ты звонишь мне, чтобы рассказать, как тяжело Стефании?

Он ничего не ответил.

Я села на стул.

— Сева, давай один раз договоримся. Я не собираюсь обсуждать ее чувства. И твои отношения с ней меня больше не касаются.

— Но ты вмешалась.

— Я сообщила ее мужу правду. Остальное решайте без меня.

Всеволод помолчал.

Потом заговорил другим тоном:

— Ты понимаешь, что Стефания может рассказать об этом общим знакомым? И все будут думать, что ты специально нашла ее мужа, чтобы отомстить.

Я почувствовала холодную злость.

— Пусть рассказывает.

— Лина, не будь наивной.

— Я не наивная. Я просто больше не собираюсь оправдываться за чужие поступки.

— Ты всегда была умной женщиной.

Я усмехнулась.

— Спасибо.

— Тогда води себя соответственно. Не надо превращать развод в публичный скандал.

Я посмотрела на список покупок.

Картофель, молоко, кофе.

Обычные вещи.

И рядом — разговор, в котором муж пытался сделать меня виноватой в том, что его любовницу разоблачили.

— Я не собираюсь устраивать скандал, — сказала я. — Но если кто-нибудь спросит, почему мы разводимся, я не стану придумывать удобную для тебя историю.

Всеволод тяжело вздохнул.

— Ты очень изменилась.

— Мы уже обсуждали это.

— Раньше ты никогда не была такой резкой.

Я поднялась.

— Раньше я не знала, что ты мне изменяешь.

Он замолчал.

Я посмотрела на часы.

— Мне пора готовиться к уроку.

— Лина...

— До свидания, Сева.

Я закончила разговор.

Потом положила телефон на стол и несколько секунд стояла неподвижно.

Сердце стучало быстро.

Мне хотелось перезвонить и объяснить, что я не собиралась быть жестокой.

Что просто защищалась.

Что все еще уважаю годы, которые мы прожили вместе.

Но я не перезвонила.

Я достала из пакета молоко, поставила его в холодильник и пошла готовить материалы к занятию.

Двадцать пятого февраля я снова увидела Родиона в центре.

Он стоял возле лестницы с рабочими и обсуждал освещение.

Когда я подошла, кивнул.

— Добрый день, Эвелина.

— Здравствуйте.

Мы говорили так официально, что я чуть не рассмеялась.

Еще недавно он помогал мне складывать стулья и шутил о моих учебных карточках.

Теперь между нами стояли два разрушенных брака.

— В комнате что-нибудь не работает? — спросил он.

— Нет. Все хорошо.

Родион кивнул.

Я уже собиралась идти дальше, когда заметила, что он смотрит на мою сумку.

— Опять вся английская грамматика?

Я улыбнулась.

— Сегодня только половина.

— Прогресс.

Он тоже чуть улыбнулся.

Я прошла к комнате.

Открыла дверь, поставила сумку на стол.

Внутри было тепло. На подоконнике стояла небольшая коробка с маркерами. Я достала карточки, включила свет.

Через несколько минут раздался стук.

Родион стоял в дверях.

— Можно?

— Конечно.

Он вошел и посмотрел на потолок.

— Мне сказали, что здесь иногда мерцает лампа.

— Да, вчера немного мерцала. Я собиралась сообщить

Дине.

Он кивнул.

— Сейчас проверят. Если проблема в светильнике, заменим.

— Спасибо.

Родион посмотрел на стол.

Там лежали карточки с небольшими английскими фразами.

Он взял одну.

— Small talk?

— Сегодня будем учиться поддерживать разговор.

Он усмехнулся.

— Полезный навык.

— Особенно для людей, которые не любят разговоры.

— Вы на что-то намекаете?

Я подняла брови.

— Разве?

Он посмотрел на карточку.

— «Поговорим о погоде». Очень оригинально.

— Между прочим, погода спасла не один неловкий разговор.

Родион чуть улыбнулся.

— У нас сейчас подходящая. Мокрый снег, грязь, ветер. Есть что обсудить.

Я рассмеялась.

Он положил карточку обратно.

Несколько секунд мы молчали.

Потом Родион сказал:

— Стефания собирает вещи.

Я подняла глаза.

Он смотрел на окно.

— К концу недели съедет. Мы договорились, что дальше будем заниматься разводом.

Я почувствовала, как внутри болезненно сжалось.

— Мне жаль, что вам приходится через это проходить.

Родион повернулся.

— Вам тоже.

Мы помолчали.

Потом я спросила:

— Вы останетесь в квартире?

— Пока да. Потом сниму что-нибудь ближе к бюро. С жильем разберемся отдельно.

Я кивнула.

— Понимаю.

Он посмотрел на меня.

— Вы не обязаны каждый раз меня жалеть, Эвелина.

Я почувствовала, как щеки нагрелись.

— Я не жалею.

Родион чуть приподнял бровь.

Я вздохнула.

— Ладно. Немного жалею. Но не потому, что считаю вас беспомощным.

Он усмехнулся.

— Это уже утешает.

Я посмотрела на него.

— Просто мне знакомо то, что вы сейчас переживаете.

Родион медленно кивнул.

— Знаю.

Потом взглянул на часы.

— Мне пора. Рабочие ждут.

— Конечно.

Он направился к двери.

На пороге остановился.

— И, Эвелина...

Я подняла голову.

— Да?

— Если понадобится помощь с помещением, обращайтесь. Это никак не связано с тем, что произошло.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

— Только предупреждаю: за исправление английских ошибок ответственность не несу.

Я рассмеялась.

— А я не отвечаю за старую проводку.

Он улыбнулся.

— Договорились.

Когда он ушел, я еще несколько секунд стояла посреди комнаты.

Мне было приятно, что мы смогли поговорить о чем-то обычном.

О лампе.

О карточках.

О погоде.

Пусть всего несколько минут.

После всего произошедшего это казалось важным.

Двадцать шестого февраля мне написала Стефания.

Сообщение пришло в личные сообщения социальной сети.

Сначала я не поверила глазам.

Ее фотография появилась вверху экрана, а под ней стояло короткое:

«Эвелина, добрый день. Думаю, нам стоит поговорить».

Я несколько минут смотрела на телефон.

Потом открыла сообщение.

«Я понимаю, что ситуация неприятная, но мне кажется неправильным, что вы вмешались в мой брак, не зная всех обстоятельств. Мы с Всеволодом собирались решить все спокойно. Сейчас Родион очень тяжело переживает. Надеюсь, вы понимаете, что ваши действия только усугубили ситуацию».

Я перечитала сообщение.

Потом еще раз.

Слово «усугубили» особенно бросалось в глаза.

Мне захотелось ответить немедленно.

Написать, что я ничего не усугубляла. Что семь месяцев они с Всеволодом делали то, что считали нужным, не спрашивая нас с Родионом.

Что мой муж еще недавно спокойно сидел напротив меня и объяснял, почему больше не любит.

Что я теперь просыпаюсь по ночам и не могу понять, какие воспоминания были настоящими.

Я набрала длинный ответ.

Потом стерла.

Села за стол.

Сделала несколько глубоких вдохов.

И написала коротко:

«Стефания, мне известно о ваших отношениях с моим мужем из его собственного признания. Родион — ваш супруг, и я считаю, что он имел право знать правду. Я не собираюсь обсуждать с вами ваши отношения. Прошу больше не писать мне по этому поводу».

Отправила.

Ответ пришел почти сразу.

«Вы не знаете всей картины».

Я посмотрела на экран.

Наверное, она была права.

Я действительно не знала всей картины.

Не знала, что Всеволод обещал ей.

Не знала, как давно она была несчастлива в браке.

Не знала, кто первым предложил встречаться тайно.

Но я знала достаточно.

Мой муж изменял мне семь месяцев.

Ее муж не знал об этом.

И теперь оба узнали правду.

Я закрыла переписку.

Больше Стефании не отвечала.

Вечером позвонила Дина.

— Эвелина, привет. Завтра нужно будет на десять минут встретиться по расписанию. Сможешь?

— Да. Что случилось?

— Ничего страшного. Просто на следующей неделе художественная студия хочет перенести занятия, а у нас один коридор общий. Нужно согласовать время.

— Хорошо.

Дина помолчала.

— И еще хотела спросить. У тебя с арендой все нормально?

Я насторожилась.

— Да. А что?

— Просто ты раньше говорила, что собираешься расширять группы, а потом как-то замолчала.

Я почувствовала облегчение.

— Пока не знаю. Сначала нужно посмотреть, сколько людей останется после первого месяца.

— Правильно. Не торопись.

Мы договорились встретиться на следующий день.

После разговора я села за ноутбук и начала искать квартиры в аренду.

Не потому, что уже окончательно решила съехать из нашего дома.

Просто мне нужно было понять, сколько стоит жилье, которое я смогу оплачивать сама.

Я открыла несколько объявлений.

Однокомнатная квартира недалеко от центра.

Небольшая студия возле парка.

Еще одна квартира с мебелью, которая выглядела так, будто ее не меняли лет двадцать.

Я записала цены.

Посчитала стоимость аренды, коммунальных платежей и продуктов.

Пришлось снова открыть таблицу доходов.

Если клуб будет работать стабильно, если индивидуальные занятия останутся, если я не стану тратить лишнее, мне должно хватить.

Но запас получался небольшим.

Я смотрела на цифры и вдруг почувствовала страх.

Не красивый, не романтический.

Обычный страх взрослого человека, который собирается впервые за много лет самостоятельно оплачивать всю свою жизнь.

Я вспомнила, как Всеволод говорил, что мне не о чем бес-

покоиться.

Возможно, он действительно верил в это.

Но мне хотелось больше не зависеть от того, что он считает достаточным для моего спокойствия.

Я сохранила три объявления.

Потом закрыла ноутбук.

Двадцать седьмого февраля я приехала в центр раньше обычного.

Дина уже ждала меня возле комнаты.

— Привет. Смотри, что придумали.

Она показала новый вариант расписания.

Одна из художественных групп хотела перенести занятия на пятницу. Это означало, что в коридоре иногда будут пересекаться дети и взрослые ученики.

Мы обсудили варианты.

Я предложила начинать свою группу на пятнадцать минут позже.

Дина посмотрела на меня.

— Тебе удобно?

Я задумалась.

Раньше я бы согласилась сразу.

Теперь открыла календарь.

Проверила, успею ли после занятия вернуться домой и подготовиться к следующему дню.

Потом посмотрела на транспортное расписание одной из

учениц, которое та недавно присылала.

— Не всем подойдет, — сказала я. — У меня двое приезжают после работы из другого района. Если начинать позже, они будут возвращаться домой почти в десять.

— Тогда не будем.

— Можно перенести детскую группу на другой день?

Дина кивнула.

— Поговорю с преподавателем.

Мы еще несколько минут обсуждали расписание.

Потом она посмотрела на меня внимательнее.

— Эвелина, ты похудела?

Я невольно улыбнулась.

— Не знаю. Наверное.

— Ты ешь вообще?

— Ем.

— Хорошо ешь?

Я подумала о вчерашнем ужине из йогурта и двух печений.

— Не очень.

Дина вздохнула.

— Пойдем, я тебя накормлю.

— У меня через час ученики.

— Успеем.

Она почти силой увела меня в маленькое кафе на первом этаже соседнего здания.

Я заказала суп и кусок хлеба.

Дина взяла салат и кофе.

Когда мы сели за стол, она спросила:

— Ты уже разговаривала с юристом?

— Да.

— И как?

— Будем готовить документы. Пока все спокойно.

Она кивнула.

— Хорошо.

Я некоторое время ела молча.

Потом спросила:

— Дина, скажи честно. Ты когда-нибудь думала, что после сорока можно начать почти все сначала?

Она подняла глаза.

— В смысле?

— Ну... работу, дом. Отношения.

Дина задумалась.

— Я после развода в тридцать девять вообще не хотела ничего начинать. Хотела, чтобы все наконец от меня отстали.

Я улыбнулась.

— И что?

— Потом оказалось, что мне ужасно нравится жить одной.

— Правда?

— Очень. Никто не трогает мои книги, не выключает музыку, не объясняет, что я неправильно покупаю хлеб.

Я рассмеялась.

Дина улыбнулась.

— Но это не значит, что ты тоже должна полюбить одиночество. У всех по-разному.

Я посмотрела на чашку.

— Мне пока страшно.

— Конечно страшно. Ты восемнадцать лет жила с человеком. А теперь он ушел, и тебе приходится заново решать, как устроена твоя жизнь.

Она помолчала.

— Только, Эвелина, не надо думать, что ты совсем ничего не умеешь.

Я подняла глаза.

— Я и не думаю.

— Думаешь. Я вижу.

Мне стало неловко.

Дина продолжила:

— Ты двадцать лет преподаешь. У тебя есть ученики, рекомендации, программа, которую ты сама сделала. Ты пришла ко мне с готовой идеей, а не с просьбой придумать тебе занятие. Не надо делать вид, что раньше ты просто сидела дома и ждала мужа.

Я посмотрела на нее.

Она говорила спокойно, без особого сочувствия.

И именно поэтому ее слова подействовали.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что.

Дина взяла вилку.

— А отношения... Когда-нибудь появится кто-нибудь.
Или не появится. Ты сначала сама разберись, чего хочешь.

Я улыбнулась.

— Звучит разумно.

— Я иногда бываю разумной.

Мы доели и вернулись в центр.

В коридоре я увидела Родиона.

Он разговаривал с рабочим возле лестницы.

На этот раз просто кивнул мне.

Я ответила.

Никакой неловкости.

Никаких попыток увести меня в сторону и обсудить Стефанию.

И мне это понравилось.

Вечером двадцать восьмого февраля я сидела на полу в кабинете и сортировала бумаги.

За последние дни мне удалось собрать почти все, о чем просила Марта.

Остались несколько банковских выписок и документы, которые хранились у Всеволода.

Он обещал прислать их на следующей неделе.

Я разложила бумаги по папкам.

На одной написала «Квартира».

На другой — «Накопления».

На третьей — «Личные документы».

Потом посмотрела на шкаф.

Половина полок оставалась пустой.

Я вспомнила, как мы въехали в эту квартиру.

Всеволод тогда сам собирал мебель. Ругался на инструкцию, потерял несколько винтов, а потом торжественно объявил, что больше никогда не будет покупать шкафы в разобранном виде.

Ника сидела на полу и смеялась.

Я принесла им чай и бутерброды.

Это был хороший день.

Я не хотела его забывать.

Но теперь понимала, что хорошие дни не отменяют плохих решений, принятых позднее.

Телефон зазвонил.

Дина.

Я ответила.

— Привет.

— Эвелина, извини, что поздно.

Я посмотрела на часы.

Было чуть больше девяти.

— Ничего страшного. Что случилось?

Дина помолчала.

— Мне сегодня звонил Всеволод.

Я выпрямилась.

— Сева?

— Да. Твой муж.

— Что он хотел?

— Сначала спрашивал, как идут занятия. Я сказала, что хорошо, группы работают.

Я почувствовала тревогу.

— А потом?

— Потом предложил встретиться и обсудить финансовую помощь моему клубу.

Я закрыла глаза.

Вот теперь все встало на свои места.

Всеволод не мог просто оставить меня в покое.

Даже после решения о разводе, которое сам принял, он продолжал искать способ участвовать в моей жизни.

— Что ты ответила? — спросила я.

— Что все вопросы по аренде и работе клуба обсуждаю с тобой. Но он очень настойчиво просил назначить встречу.

Я сжала телефон.

— Дина, пожалуйста, не договаривайся с ним ни о чем.

— Я и не собиралась.

— И денег от него не бери.

— Эвелина, успокойся. Я не принимаю деньги от посторонних людей без согласования с тем, с кем заключен договор.

Я выдохнула.

— Прости.

— Ничего. Просто хотела тебя предупредить.

Я посмотрела на папку с документами.

— Он сказал, зачем хочет помогать?

— Говорил, что переживает за тебя. Что сейчас у тебя сложный период и не стоит брать на себя лишние финансовые обязательства.

Я почувствовала, как внутри поднялась злость.

— Понятно.

— И еще сказал, что хорошо разбирается в организационных вопросах. Может помочь наладить работу.

Я медленно поднялась с пола.

Восемнадцать лет Всеволод решал, когда нам переезжать, где проводить отпуск, какие покупки отложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.